Его Сіятельству
Графу Сергію Дмитріевичу
Шереметеву
с глубокимъ почтеніемъ
отъ автора.

Н. КАРИНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПСКОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЯЗЫКА.

I.

Изслѣдованіе языка Псковскаго Шестоднева 1374 года

Съ 3-мя автотипическими снимками.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

Н. КАРИНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПСКОВСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЯЗЫКА.

I.

Изслѣдованіе языка Псковскаго Шестоднева 1374 года

Съ 3-мя автотипическими снимками.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

1 R

[illegible]

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1916 годъ.

280
37

Послѣ выхода въ свѣтъ моей книги: „Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. С.-Пб. 1909“ въ печати появился рядъ статей, касающихся вопросовъ, затронутыхъ въ этой книгѣ. Мнѣнія изслѣдователей во многомъ оказались противорѣчащими одно другому. Необходимость въ новыхъ матеріалахъ и пересмотрѣ нѣкоторыхъ вопросовъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ виду этого я счелъ небезполезнымъ опубликовать результаты своей работы надъ псковскимъ богослужебнымъ Шестодневомъ 1374 г., памятникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ научной литературѣ [1]). Мнѣ казалось также небезполезнымъ привлечь для сравненія нѣсколько новыхъ діалектологическихъ фактовъ. Въ настоящей работѣ я ограничился разсмотрѣніемъ лишь важнѣйшихъ вопросовъ, для уясненія которыхъ въ Псковскомъ Шестодневѣ 1374 г. находимъ заслуживающій вниманія матеріалъ.

ОЧЕРКЪ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ ПАМЯТНИКА.

Шестодневъ 1374 года представляетъ рукопись, писанную въ небольшую четвертку на 117 пергаменныхъ листахъ [2]). Памятникъ хранится въ Московской Типографской Библіотекѣ подъ № 67. Ру-

---

[1]) Еще 3 года тому назадъ на этотъ памятникъ любезно указалъ мнѣ А. С. Орловъ. Когда, при ближайшемъ разсмотрѣніи рукописи, въ серединѣ текста мнѣ пришлось натолкнуться на запись, а также отмѣтить рядъ фактовъ, важныхъ для исторіи псковской письменности, и мнѣ представилось интереснымъ внимательно изслѣдовать текстъ памятника,—Московская Типографская Библіотека сочла возможнымъ выслать Шестодневъ въ Императорскій Петроградскій университетъ для моихъ занятій. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести А. С. Орлову и управленію Московской Типографской Библіотеки мою искреннюю благодарность.

[2]) Въ рукописи счетъ листовъ показываетъ число ихъ 118. Однако въ этомъ счетѣ вкралась ошибка 19-ый листъ помѣченъ цифрою 20, что и увеличило далѣе число листовъ на 1.

копись дошла до насъ въ неполномъ видѣ: безъ начала, конца и ряда листовъ въ серединѣ [1]).

Писцы рукописи и отличительныя особенности ихъ текста.

Шестодневъ писанъ среднимъ по величинѣ уставомъ, типичнымъ для XIV вѣка, тремя (или даже, можетъ быть, четырьмя) почерками. Первый почеркъ находимъ на 1—33 об. и на 74-мъ листахъ рукописи, вторымъ почеркомъ написаны листы 34—73, третьимъ—листы 75 об.—111. Послѣдніе листы, 112—117, писаны почеркомъ весьма близкимъ къ первому. Почерки отличаются одинъ отъ другого нѣкоторыми типичными начертаніями отдѣльныхъ буквъ, въ общемъ довольно послѣдовательно проведенными на соотвѣтствующихъ листахъ рукописи [2]). На прилагаемыхъ таблицахъ видны палеографическія особенности письма 2-го (л. 34) и 3-го (л. 75 об. и 95) писцовъ, которымъ принадлежитъ бо́льшая (76½ листовъ изъ 117) и важнѣйшая въ лингвистическомъ отношеніи часть текста. Ср. рѣзкое отличіе въ начертаніи ꙋ на л. 34 отъ начертанія той же буквы на л. 75 об. [3]), начертанія на тѣхъ же листахъ буквы ⷣ [4]), буквы ч [5]), а также особую манеру 3-го писца писать буквы ѧ, ѣ, ѣ, ш съ горизонтальной нижней черточкой, *отдѣляющейся* нерѣдко отъ буквы и выступающей иногда съ боковъ буквы,

---

[1]) Пострадали и нѣкоторые отдѣльные листы: у 74 листа не хватаетъ нижней половины и правой стороны, въ 46 листѣ вырѣзана середина, гдѣ не было обычнаго текста, такъ какъ вырѣзанное мѣсто—уже, чѣмъ части листа, занятыя текстомъ на обѣихъ страницахъ, а справа и слѣва отъ дыры до полей нѣтъ текста. (Между лл. 76—77 сохранился небольшой отрывочекъ листа съ одною заглавною буквою Т; между 111 и 112 лл. сохранилась узкая полоса пергамена у корешка во всю длину рукописи съ небольшимъ числомъ буквъ).

[2]) Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что всѣ три почерка принадлежатъ не достаточно опытнымъ мастерамъ: начертанія буквъ даже на одной страницѣ не всегда одинаковы, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ палеографическія наблюденія трудны.

[3]) На л. 34 (снимокъ № 1, строки 2-ая, 3-я, 5-я) у буквы ꙋ нижній штрихъ (спускающійся подъ строку) не является продолженіемъ праваго верхняго штриха, а относится правѣе, образуя съ горизонтальной черточкой уголъ. На л. 75 об. (снимокъ № 2, строки 8-ая, 10-ая) ꙋ пишется обычнымъ образомъ. (Ср. также строка 1 снимка № 3, л. 95).

[4]) На л. 34 строка 2-ая и на л. 75 об. строка 4-ая (сн. №№ 1 и 2), на л. 95 (сн. № 3) строки 2-ая, 11-ая. (На строкахъ второй снизу и седьмой сверху имѣемъ впрочемъ на снимкѣ № 3 особый типъ ⷣ).

[5]) На л. 34 строки 3-ья, 7-ая ч въ родѣ расщепа, въ то время какъ на л 75 об. строка 6-ая ч болѣе подходитъ къ чашѣ (ср. также и на снимкѣ № 3, л. 95 строки 3-я, 9-ая, 10-ая, 11-ая).

чего не замѣчаемъ у 2-го писца [1]). Нѣкоторыя отличія находимъ также и въ начертаніи ѧ, въ манерѣ 3-го писца перечеркивать і въ буквѣ ѧ, какъ и перечеркивать иногда горизонтальную черточку, соединяющую і п а въ буквѣ ѩ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ особенности начертанія выступаютъ рельефно, когда мы пзслѣдуемъ весь текстъ каждаго почерка.

Въ отношеніи орѳографіи и языка мы замѣчаемъ также нѣкоторыя отличія въ текстахъ, написанныхъ разными писцами. Такъ, напримѣръ, почти исключительно въ текстѣ, писанномъ вторымъ писцомъ, мы находимъ (далеко не рѣдкіе) случаи постановки оу послѣ шипящихъ, исключительно тамъ же мы находимъ въ рядѣ случаевъ жы вм. жы (множьтво и под.), тамъ же мы находпмъ и рядъ случаевъ на отвердѣніе ҁ. Въ работѣ 2-го и 3-го писцовъ, въ противоположность тексту 1-го писца, находимъ свободное дѣленіе слова при переносѣ. Въ текстѣ 3-го писца, въ противоположность остальной части рукописи, отмѣчена весьма частая замѣна ѕ и ь посредствомъ о п ѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти ѕ и ь уже исчезли изъ произношенія [2]).

На листахъ, писанныхъ первымъ писцомъ, какъ и на сходныхъ по почерку послѣднихъ листахъ рукописи, нѣтъ ни записи, ни приписокъ; на листахъ, писанныхъ вторымъ писцомъ, небольшая запись на поляхъ и 1 приписка; на листахъ, использованныхъ третьимъ писцомъ, большое количество оригинальныхъ приписокъ на поляхъ и 1 запись въ текстѣ.

Текстъ каждаго писца начинается съ новой части Шестоднева, съ новой страницы послѣ заставки.

Изъ особенностей въ начертаніи буквъ, характерныхъ для всѣхъ писцовъ рукописи, отмѣтимъ лигатуры буквъ: а и у (заи 5 об., 11 и др.), л п ю 8; ц и п (кончицитса 9 об.); п п и (33 об.); т и к 33 об., 80 об., 100 об. Подобныя лигатуры нерѣдки въ псковскихъ памятникахъ [3]).

Орнаментъ.

Рукопись по внѣшнему виду весьма скромная. Уставъ ея нельзя признать особенно красивымъ; пергаменъ грубой выдѣлки, толстый; на нѣкоторыхъ листахъ приклеены и пришиты небольшія полосы

---

[1]) См. такой типъ указанныхъ буквъ на снимкѣ № 2 строки 7-ая, 8-ая; на снимкѣ № 3 строки 10-ая и 14-ая (ш), 3-я снизу (в).

[2]) Объ этихъ особенностяхъ см. ниже, стр. 42, 43, 9, 11.

[3]) Языкъ Пскова, стр. 7—8, 45, 64 и др.

пергамена вдоль рукописи, такъ какъ пергамена не хватило на полный листъ (см. л. 55, 23 и др.). Орнаментъ рукописи состоитъ изъ трехъ заставокъ, многочисленныхъ иниціаловъ и маленькихъ рисунковъ на поляхъ. Въ художественномъ отношеніи орнаментъ посредственный. На листахъ 34 (см. снимокъ № 1) и 95 об. находимъ сходныя по внѣшнему виду заставки; контуры ихъ писаны киноварью, а промежутки между лентами плетеній зеленой краскою, во второй же изъ этихъ заставокъ тонкія черточки въ серединѣ лентъ писаны чернилами. На л. 75 об. заставка писана чернилами (боковые прямоугольники) и киноварью (средній прямоугольникъ), см. снимокъ № 2. Сочетаніе чернаго и краснаго цвѣтовъ является характернымъ для этой заставки и нѣкоторыхъ иниціаловъ. На поляхъ листовъ 81 об., 88 об. и 108 об. и въ иниціалахъ л. 11 об. и 89 об. находимъ человѣчьи головы. На л. 99 об. и 108 на поляхъ—рука, держащая чашу. Иниціалы обычно или совершенно просты или содержатъ орнаментъ растительнаго типа и плетенія (см. снимокъ № 2). Иниціалы и заглавныя строки писаны чернилами (контуръ) и киноварью; въ очень многихъ находимъ также свѣтлозеленую краску (см. лл. 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об., 36, 36 об., 44 об. и др.). Птицъ, обычныхъ для тератологическаго орнамента, переплетенныхъ ремнями, въ рукописи вовсе нѣтъ.

Записки и приписки.

Мѣсто и время написанія рукописи опредѣляется записью, помѣщенною на 95 листѣ. Она читается такъ:

Въ лѣ҃ · ѕ҃ ноѥ · ѿ н҃оѥ · п҃в · : · сего же
л҃ѣ · кюрилъ · стъчи свьршишь ·
и вл҃ка · ѡлексеи · въ пьсковѣ въ
лъ · : · и пьсковици · гадають ·
гр҃а · пьскова · приꙗти · на но
воѥ · възнешениѥ · а писалъ
сава · попъ · : · [1])

---

[1]) Во второй Псковской лѣтописи находимъ слѣдующія указанія на факты, содержащіеся въ нашей записи:

1) Подъ 6881 годомъ говорится о пріѣздѣ архіепископа Алексія и освященіи имъ новой церкви Петра и Павла

2) Подъ 6882 годомъ читаемъ: „Мастеръ церковный Кирилъ постави церковъ камену въ свое имя святаго Кирила архіепископа Іерусалимскаго“.

На нижнемъ полѣ л. 34 киноварью почеркомъ XIV в. написана обрѣзанная снизу и частію стертая запись, отъ которой сохранилось лишь слѣдующее:

„не добр.... початъı бъıша · книгъı сиꙗ · писати(сѧ) (на памѧ҃) (Ф)илипа“.

Для исторіи рукописи любопытны двѣ приписки:

1) На оборотной сторонѣ верхней доски переплета приклеена полоска бумаги, на которой написано скорописью XVII вѣка: „кн҃га серѐкина мн҃тря“.

2) Внизу на поляхъ на 1 л. рукою Скіады отмѣчено „Videtur seculi 14“.

На нижнемъ полѣ л. 70 об. находимъ приписку, сдѣланную, судя по почерку, вторымъ писцомъ рукописи:

„покоушати писати новъıмъ чернилом“.

На нижнихъ поляхъ многихъ листовъ рукописи, на которыхъ текстъ писанъ *третьимъ* писцомъ, имѣются любопытныя приписки, написанныя почеркомъ, близкимъ къ почерку третьяго писца, но гораздо болѣе мелкимъ и тонкимъ. Всѣхъ приписокъ 15:

л. 77: поити · на вечернию · на памѧ҃ ст҃го м҃ка (к)ли(мѧнт)а

л. 78: шести оужинатъ ·:·

л. 79: ·в҃· мо҃ поѥхати · питъ въ зрѧковици ·:·

л. 81: поѥхати · на гору · къ ст(ѣ)и вц҃и молитис · о своѥ҃ сп҃сении ·:·

л. 82: поити · на вечернюю ·:·

порошата

л. 83: родиша · свиниꙗ · на памѧ҃ варварьı ·:·

л. 84: о г(о)р(е) свербить ·:·

л. 84 об.: полести мъıтъсѧ · о ст҃ъıи никола · пожалуи · избави · коростъı сеѧ ·

л. 87: чресъ · тъıнъ · пьють · а на҃ не зобуть (в)олов(и) не летети · а о҃местъки ту · будут ·

л. 89: охъ · с(ве)рвѧ(ть) · м.ди

л. 90: охъ · свербить

л. 96: шести оужинатъ ·:·

л. 97: поити в(ъ) гумно · къ страдникомъ

л. 110: охъ зноино ·:·

л. 110 об.: (н)а завътренюю · да поѥхати · в м(о)хъ [1]).

---

[1]) Всѣ эти 15 приписокъ по общему своему тону напоминаютъ приписки Ирмолоя 1344 (Московск. Синод. Библ. № 932), писаннаго также въ Псковѣ, но другимъ

На л. 75 очень неряшливымъ почеркомъ уже послѣ написанія рукописи сдѣланы двѣ приписки на верхней части оставшейся свободною страницы. Судя по почерку и языку приписокъ, онѣ сдѣланы въ Псковѣ, вѣроятно, въ началѣ XV вѣка.

На нб҃о срдца имоуща и анг҃льскоу (по)|добимсѧ чиноу со стрaхомь ѣ не об..|му судіи припадемь покѣдноую | козописмь пѣснь сѣ҃х сѣ҃х сѣ҃ѣ |

Зрѣти тебе не смѣють херовими мѣт(и)ть | копиюще со косьчанисмь (sic) биймь. пѣниемь. по|кѣдьноую. козописмь пѣ҃· сѣ҃хі сѣ҃х. сѣ҃х | Помоли ги рaкоу своемоу шнисимоу писати.

Описки.

Описокъ въ рукописи довольно много, однако онѣ не могутъ подорвать довѣріе къ нашему памятнику, какъ къ источнику для исторіи русскаго языка, такъ какъ почти всѣ описки сдѣланы писцами въ строго опредѣленныхъ случаяхъ.

1. У всѣхъ писцовъ рукописи находимъ написаніе, вмѣсто нужной буквы или слога, стоящихъ близко отъ нихъ буквы или слога, отчего такія буквы являются написанными дважды: одинъ разъ въ надлежащемъ мѣстѣ и одинъ разъ ошибочно. Такого рода описокъ порядочно: стрaтѣрници 1 об.; дарaа (а послѣ р поправлено на оу) 4; на колоноуе заколение 12; сбака 24; оубо оубо (= ово убо) 25 об.; мороносичамь 34, 95 об.; избавителa 39; призкоздиша 57 об.; каму иду 71; рѣзрѣши 88 об.; трорaци 104; трьнкхі 111 и др. Въ виду этого мы можемъ предполагать описки въ слѣдующихъ случаяхъ: моучителака 58 об.; трепещеть бо и трясѧтьсѧ 28; цѣломудрьнiзмь 27 и др.

2. Нерѣдки также пропуски буквъ или частей буквъ, если буква имѣетъ сложное начертаніе (напр. ѕі): изѕкхі 36 об.; кх пло (= въ плоть) 38; цѣлованіи (= цѣлованіе) 43 об.; прѧвова 47 об.; ѥном (= ѥдином) 41; ѵполникѣ 41 об.; прѣводеши 54 об.; кѣрнѕух 47 об.; ѿ работѣ бражна 41 об. и др.

3. Повторенія буквъ встрѣчаются довольно рѣдко: даюють 37; ихх 58 об.; раразмѣсьномь 65 об.

писцомъ (О припискахъ въ Ирмолоѣ см. у акад. А. И. Соболевскаго. Палеографія, стр. 36). По содержанію онѣ вполнѣ оригинальны. Приписка на л. 87 представляетъ особый интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ отраженіе живого (разговорнаго) языка, сохранившаго параллелизмъ, свойственный народной поэзіи. Подобные факты даже и въ болѣе позднихъ памятникахъ письменности исключительно рѣдки.

Другія описки въ нашей рукописи весьма малочисленны: ѣсѣмени (= бесѣмени) 49 об.; бѣзмужному рѣчетку 2 об. (= безмоужному).

Нотные знаки.

Любопытною чертою рукописи является наличность въ ней небольшого количества нотныхъ знаковъ, написанныхъ надъ отдѣльными словами или даже иногда надъ нѣсколькими буквами въ словахъ, напр., надъ словами ꙗко же 9 об.; надъ словами: ѡвх бо тѣ 10; надъ словомъ мирх 16 об.; надъ словами огнѣ, призри, избави л. 90, л. 94 и др. (См. на снимкѣ 3-мъ, стр. 5 надъ послѣдними буквами слова оумолите).

Орѳографическія особенности [1]).

1. Переносъ слова съ одной строки на другую въ текстѣ 1-го писца опредѣляется правиломъ оканчивать строку буквами ъ, ь или гласными. Исключенія этотъ писецъ допустилъ лишь въ случаѣ титла: за мл҃дне, мл҃ка 29 об.; чаѣ҃колокольце 27 об. У второго и третьяго писцовъ слово дѣлилось при переносѣ совершенно произвольно (лишь въ качествѣ псключенія отмѣчено: ѿкѣрзх҃лх 36): слокес҃ного 36 об.; сл҃ава 37; избавл҃ѧемыѧ 39; бл҃оудныхъ 41; обр҃азно 60; прнемл҃ѧ 69 об.; г҃рѣхомх 78; ч҃рѣкве 81 об.; м҃рьтвьци 102; тьвьрдую 110; ст҃радалци 110 об. и мн. др. Въ отношеніи общаго характера переноса словъ текстъ 2-го и 3-го почерка нашего Шестоднева сходенъ съ рядомъ Псковскихъ рукописей: Палеей 1477 г. [2]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № $\frac{68}{270}$ [3]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № $\frac{53}{255}$ [4]), Сборникомъ Моск. Син. Библ. № 154 [5]). Текстъ же перваго писца слѣдуетъ въ отношеніи правила переноса словъ сблизить съ Палеей 1494 г. [6]), Погодинскимъ Спискомъ Псковской лѣтописи и др.

2. Въ нашей рукописи весьма часто отмѣчается пропускъ глухого между словами, изъ которыхъ одно примыкало къ другому въ отношеніи ударенія: ѣзбѣла ны 6; тѣм же 12, 13, 13 об., 87 об., 93 об., 95

[1]) Орѳографическія особенности, указывающія на степень юго-славянскаго вліянія, разсматриваются ниже въ экскурсѣ „Отраженіе южно-славянскаго вліянія на Шестодневѣ 1374 г. и другихъ псковскихъ памятникахъ".

[2]) Языкъ Пскова, стр. 45.

[3]) Ib., стр. 98.

[4]) Ib., стр. 113.

[5]) Ib, стр. 64.

[6]) Ib., стр. 8.

и др.; молим|тѧ 99 об.; възрадуѥмсѧ 100; одьржит мѧ 101; тьм тѧ 109; избавит нꙑ 95; мороносичам же 95 об.; в мори, в нощи 8 об.; к немоу 12, 13; с правьднꙑми 13 об.; к тѧ 73 об.; 78 об.; вещисльнꙑх ми 77; с теми 92 и мн. др.

Отсутствіе ъ въ концѣ предлоговъ - префиксовъ из-, въз-, без-, объясняемое исконнымъ отсутствіемъ здѣсь глухого, является въ нашей рукописи довольно послѣдовательно проведеннымъ ороографическимъ правиломъ. Лишь какъ исключеніе встрѣчаемъ: безъ ѡ҃ча 7 об.; изъ 21 об., 22 об.; неизъгл҃аную 103 об. безъ ѡ҃ца 2 об., безъ м(три) 2 об.

3. Весьма любопытной ороографической чертой нашей рукописи является употребленіе ъ и ь вм. о и е (ѣ). Употребленіе ь вм. е у всѣхъ писцовъ встрѣчается весьма часто, ъ вм. о отмѣчено нами въ немногихъ случаяхъ.

огньви 13; словьснаꙗ 24 об.; оумрьмъ 25 (рядомъ: оумрѣмъ); посрьдѣ 29 об.; зьмини 32; тьмь 13, 75 об., 77, 81 (2 р.), 81 об., 85 об. (2 р.) и др.; рчьте (пов.) 10 об.; вьнца 18 об., 19 (ср. вѣнца 19), бес хотьниѥ 23, тьлеса 29 об.; тридньвнымъ 71 об.; възвьди мѧ 76 об.; мольвную 86 (рядомъ: молебную); кльвѣта 91 об.; вьрнꙑмъ 102 об. и оч. мн. др. Особенно интересны случаи въ концѣ словъ: оч҃ь пр҃двнѣ (зв.) 53 об.; оч҃ь (зв.) 73; чл҃вколюбць (зв.) 102 об.; страшнаго дн҃ь 84 об.; кричаше болезнень 109 об.; претерпели ѥсть 108 об.; присноб҃лжими ѥсть 105; приꙗли ѥсть 109 об.; възвѣли ѥсть (2 мн.) 111; будеть (2 мн.) 114 об. и др.

анг҃лъмъ, чл҃вкъмъ (д. мн.) 4; плъдъ 15; неплъдьнѣи 11 об., львъвꙑмь образомь 113, облъжьшесѧ 12 об.; недостоинъмъ (д.) 41 об.; въевода 79 об.

Сходныя явленія въ другихъ Псковскихъ памятникахъ XIV в. встрѣчаются нерѣдко: не клинить (2 мн.), бл҃гословите а не кльнеть; при. . . ивань федоровици *Запись Пск. Апост.* 1309 — 1312 г.; при старосте. дионисьи. буꙗцьковиць, горъдъ *Запись Паракл.* 1386 г.

Нѣчто сходное встрѣчаемъ и въ Словѣ о Полку Игоря, извѣстномъ намъ несомнѣнно по Псковскому списку: помняшеть бо речь; уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи; зегзицею незнаемь рано кычетъ. Съ формою „незнаемь“ слѣдуетъ сопоставить вышеприведенное изъ Шестоднева „болезнень“; впрочемъ въ „незнаемь“ ь изъ ъ.

Любопытное соотвѣтствіе мы находимъ въ надписяхъ на образѣ XIV в., на которомъ изображено житіе св. Георгія. Здѣсь нами отмѣчено: свьцѧми, имьниє, прьдъ, на кольсь, гьргиѧ, в котль [1]).

---

[1]) Образъ и надписи несомнѣнно XIV вѣка сѣверно-русскаго происхожденія (свьцѧми, мьцьмь). Образъ хранится въ Музеѣ Императора Александра III въ Петроградѣ.

Окончаніе 2 л. мн. ч. на ть вм. те встрѣчается нерѣдко въ Псковской письменности; его мы наблюдаемъ и въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ писцы не знали орѳографическаго правила о замѣнѣ о и е (ѣ) посредствомъ ъ и ь. Въ виду этого случаи на ть вм. те, можетъ быть, должны объясняться въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, памятникахъ инымъ способомъ.

4. Замѣна ъ и ь посредствомъ о и е, гдѣ въ живой рѣчи ъ и ь исчезли, встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ у первыхъ писцовъ и весьма обычна въ текстѣ третьяго писца нашей рукописи: безневьстенаꙗ 33 об.; цѣвениче дх҃овнаꙗ 73; во мирѣ 77 об.; силена 77, 79; прѣвеченоѥ 79 об.; заченоши 80 об.; очищешесѧ 81 об.; неподобено 84 об.; непороченаꙗ 88 об. (2 р.), 89; земенъі 93; невомѣстимаго 93; помощеника 116 об.; възрасло есмь 94 об.; нечисто жило ѥсмь 94 об.; ѿ всѐ золо 78 об.; молимо въі 96 об., 98; молимо тѧ 99 и мн. др.

Употребленіе о и е вмѣсто исчезнувшихъ въ языкѣ ъ и ь въ текстѣ третьяго писца нашей рукописи не невозможно сопоставить съ разсмотрѣннымъ выше обратнымъ явленіемъ—постановкою ъ и ь вм. о и е. Въ такомъ случаѣ передъ нами орѳографическая мѣна ъ и о, ь и е (ѣ) въ большомъ количествѣ случаевъ. Аналогичный орѳографическій пріемъ писца мы находимъ въ Смоленской грамотѣ 1229 г.: что сѧ дѣѥтѣ; по вѣремьнемь; по вѣрьмьнемь; како то боудѣте всемъ вѣдомъ; посль; кнѧзѣ смольнесьъіи; на гочкъіи берьго; что бъілъ немирно промьжю смольньска; дъбрии; ажбъі миро былъ и дъ вѣка; на оустоко морѧ и т. п.[1]).

Разсмотрѣнная мѣна произошла, конечно, вслѣдствіе полнаго совпаденія звукового значенія ъ и о, ь и е (ѣ). Она, вѣроятно, особенно развилась въ Россіи, такъ какъ болгарскій языкъ не представлялъ столь благопріятныхъ условій для ея развитія, какъ русскій языкъ, и древне-болгарскія рукописи не содержатъ достаточныхъ фактовъ, чтобы возможно было говорить о сколько-нибудь значительномъ вліяніи болгарской орѳографіи на русскую въ этомъ случаѣ [2]).

---

[1]) А. А. Шахматовъ отмѣчаетъ примѣры смѣшенія ъ и ь съ *о* и *е* изъ новгородскихъ и двинскихъ грамотъ (Очеркъ, стр. 269—270): „Въ особенности часто происходило указанное выше смѣшеніе при машинальной перепискѣ, когда копіистъ... не справлялся всякій разъ съ соотвѣтствующимъ живымъ произношеніемъ“. Далѣе цитируется между прочимъ грамота 1229 г. Громадное количество случаевъ смѣшенія у 2-го писца Шестоднева, какъ и въ грамотѣ 1229 г., исключаетъ возможность предполагать машинальность здѣсь, вѣроятно, особый вполнѣ сознательный орѳографическій пріемъ.

[2]) Если бы въ нашей рукописи не было замѣны *о* и *е* посредствомъ ъ и ь, то возможно было бы объяснять замѣну не произносившихся ъ и ь черезъ *о* и *е* ис-

5. Въ орѳографическомъ отношеніи любопытно также полное смѣшеніе ѣ и е въ громадномъ количествѣ примѣровъ, и вмѣстѣ частое употребленіе ѣ вм. е. Разсматриваемая рукопись по этой орѳографической особенности сближается съ нѣкоторыми псковскими памятниками: Сборн. Соф. Библ. № 1262, Сб. Синод. Библ. № $\frac{68}{270}$ [1]). Эта особенность правописанія возникла также, нужно думать, на русской почвѣ [2]).

ФОНЕТИКА.

Мѣна буквъ е (ѣ, ь) и а (ѧ, ѫ) какъ отраженіе звуковыхъ особенностей древне-псковскаго языка.

Мѣна буквъ е (ѣ, ь) и а (ѧ, ѫ) въ нашей рукописи наблюдается главнымъ образомъ въ конечномъ открытомъ неударяемомъ слогѣ. При этомъ большая часть случаевъ этой мѣны приходится на 3 формы: 1) им.-вин. ед. сущ. ср. р. мягк. склон. (а, ѧ, ѫ вм. е), 2) род. ед. сущ. муж.-ср. р. мягк. склон. (е вм. ѫ) и 3) пм. мн. ср. р. мягк. скл. (е вм. ѫ).

ѫ (а) вм. е:

им.-вин. ед. сущ. ср. р.: очистити монѫх грѣховѫ, гн̃, рукописа[н]ѫа 5; дала есн знаменіѫ·бо̃жиимѫ сѧ || тебѣ, гн̃, кр̃тѫ твои 5 об.—6; наѫше дьрзновѣнѫа 6, наѫши дрьзновѣнѫа 24 об.; тѫ бо приматѫ преже оставленіѫа грѣховѫ 27; радуѫсѧ раздрѣшенѫа пьрвыѫ невѣгѫ 28; надѣланѫа миро̃ѫ кн̃гоѫ (ѣце дво̃) 65; подати ми оставленѫа грѣховѫ 65; наѣѫ дьрзновѣнѫе къ бу̃ 87 об.; (ср. выше: яко наѣѫ дьрзновенѫе къ бу̃ 87 об., ср. тоже 87); избави мѧ... омрачьно грѣа наѫша 90 и др.;

въ той же формѣ членн. прилаг.: заключьшѣѫ къловѣчьскоѫ ѡбщѣ 7 об.; на горшѣѫ сѣкращаѫсѧ 35;

сравн. степ.: разѣѫ бо того 117;

ключительно особенностью церковнаго языка, такъ какъ въ древней Руси исчезнувшіе въ живомъ языкѣ ъ и ь пѣлись въ церкви, какъ *о* и *е* См, напр, Буслаевскій стихрарь XIV вѣка (Н. Каринскій. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Ч. I. Изд I-е, стр. 112 и снимокъ). Въ этомъ стихрарѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ нотныхъ рукописей, замѣны *о* и *е* посредствомъ ъ и ь не отмѣчено. Само собою понятно, что указанное церковное произношеніе исчезнувшихъ въ языкѣ ъ и ь могло способствовать развитію разсматриваемаго нами орѳографическаго пріема—полному смѣшенію на письмѣ ъ и *о*, ь и *е* (ѣ). О нотныхъ знакахъ въ нашей рукописи см. выше, стр 9.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 172.

[2]) Примѣры см. ниже, стр. 45.

3 л. ед. ч. на ша вм. ше: а҃ꙋтгъ... гл҃аша 38; гл҃аша (а҃нгл҃ъ) 99; плакашаше (=плакашесѧ) 61 об. и др.

ѣ вм. ꙗ (а):

род. ед. сущ. муж. ср. р. мягк. склон.: коюсѧ прокл҃атиѥ 11 об.; оуже бо нѣ҆ ѡстоужениѥ (?) 11 об.; гл҃амь радованиѥ 16 об.; ѡ҆ставлѣниѥ 18, 81 об.; ѡ҆ставленіе 47, ѡ҆ставленіе 57; [ср. безъ ѡставленіѧ 60]; бесхотьниѥ мужьска 23; бл҃тьство ц҃ртвіе 23 об.; потрьбоу любочт҃иѥ 25; паче сми҃сла и слы҃шаньѥ 39; м҃рдиѥ источника 43 об.; ср҃дце моего 44 об.; терпѣньѥ вашего 47 об.; ѿ҆ бабоулоне (?) 113 об.; мко жизнодавьче и господа 57 об.; сп҃ѣніе источника 64 об. (ср. выше: м҃рдиа источника); оучами бл҃а сиѧніе 76; ѡ҆стачающю паки҂чьтьс ищѣѧніе 81; вѣсь есмь чювьнень҃х прѣщеніе и ѡ҆стоуженіѧ 94; страшнаго ѡстоуженіе 96; дѣснаго ти стоиніе 104 об.; бѣ҆ пристанище сп҃ѣсеніе безъ волненіе к҃ тебе прибегаемъ 107 и др.;

им. мн. ср. рода: вса прегрѣшеніе 14; дѣяніе вс҃ѣ҂х обличаютьс҃ѧ 40 об.; идольскыѧ хуленіе 47 об.—48; а҃пльскыѧ поклоненіе 56;

им. ед. ср. р. на ме вм. мѧ҆ бѣ҆ бреме 60 об.;

3 мн. аор. на ше вм. ша: приняше 63 об., ги бо ѿгнаше 67 об.;

возвратн. зал. на се (ше) вм. сѧ: глѣ҆ бѣ҆чалѣчьшеисе 97; снемѣсѧше 67 об.; марѳа... плакашаше 61 об. (=плакашесѧ);

Сравнительно весьма малочисленны случаи мѣны ѣ (ѣ, ь) и ѧ (а, ѧ) въ другихъ сочетаніяхъ.

Въ ударяемомъ конечномъ открытомъ слогѣ 3 случая не возбуждающихъ сомнѣнія:

им.-вин. ед. ср. р. мѣст.: бѣ҆ бесѣменьноѥ зачатье твоѥ 54; приклони оуѫо твоѥ 117 об.;

им. ед. ср. р. сущ.: бѣлкоухщеноѥ обцѣ (=обычѧ) 7 об.;

сомнительнымъ случаемъ приходится признать: идеже коупно ц҃ѣ҆ и оубожни 64 (можетъ быть слѣдуетъ читать „цѣсаре“ въ виду с подъ титломъ?).

Случаевъ въ серединѣ слова также весьма мало:

стежѫомъ 39, стежѧкше 39; плащеницею 39 об.—40; и земла трѣпѣщоуши трѣслаѧ 71 об. (описка?); твоимъ оспанимь (оп.?) 112 об.;

могутъ объясняться описками: трепещеть бо и трѧсѧтьс҃ѧ 28; всѣчаскаѧ 46 об. [1]).

---

[1]) Случаи въ родѣ „начальника висаще 71“, книѧ имуще 51 об. невозможно принимать во вниманіе, такъ какъ смѣшеніе падежей въ причастныхъ формахъ въ нашей рукописи обычно (см. ниже, стр. 51).

Мѣна буквъ а (ꙗ, ѧ) и ѥ (ѣ, є) въ псковскихъ рукописяхъ, впервые замѣченная и обслѣдованная проф. А. И. Соболевскимъ [1]), была разнообразно объясняема изслѣдователями. Большинство изслѣдователей, вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, видѣло въ этой чертѣ отраженіе звуковыхъ особенностей древне-псковскаго говора. Въ этомъ смыслѣ пришлось высказаться и мнѣ въ книгѣ „Языкъ Пскова и его области въ XV в.“ [2]). Акад. А. А. Шахматовъ въ статьѣ, посвященной спеціально др. псковскимъ памятникамъ, возстаетъ противъ указаннаго мнѣнія [3]). Послѣ заявленія, что онъ „двукратно выступалъ, и оба раза совершенно неудачно, съ попытками объясненія этихъ явленій“ [4]), акад. А. А. Шахматовъ предлагаетъ третью гипотезу. Онъ относитъ мѣну буквъ є и а къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ „сказались искусственные пріемы графики, по той или иной причинѣ полюбившіеся псковскимъ книжникамъ“ [5]). Эта графическая мѣна, по мысли акад. А. А. Шахматова, явилась благодаря вліянію на псковскую письменность южно-славянской (болгаро-сербской) письменности черезъ посредство южно-русской и западно-русской, при чемъ псковская письменность находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-русскихъ памятниковъ, а эти послѣдніе непосредственно подъ вліяніемъ южно-русскихъ [6]). Лишь окончанія *-ѣя*, *-ая*, (сравн. степ.) да немногіе случаи замѣны *е* черезъ *я* (*а*) могутъ быть, по мнѣнію акад. Шахматова, отраженіемъ особенностей псковскаго говора [7]).

Для доказательства своей мысли акад. А. А. Шахматовъ сопоставляетъ случаи псковской мѣны *е* и *а* съ соотвѣтствующими фактами описываемыхъ имъ инославянскихъ рукописей (преимущ. средне-болгарскихъ), а также нѣкоторыхъ западно-русскихъ и южно-русскихъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, II.

[2]) Стр. 152—154.

[3]) Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ Псковскихъ памятниковъ XIV — XV в. (*Журн. Мин. Нар. Просв*, 1909 г, іюль, стр. 136)

[4]) Ibid., стр. 122.

[5]) Ibid., стр. 150, ср стр. 121.

[6]) Ibid, стр 130. „Исходя изъ предположенія, что и въ Псковъ тѣмъ или инымъ путемъ проникали особенности среднеболгарскихъ памятниковъ, испытавшихъ на себѣ сербское вліяніе, я ищу именно въ подобныхъ памятникахъ причину отмѣченной сначала А. И. Соболевскимъ, потомъ Н М. Каринскимъ мѣны *е* (*ѣ*) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскихъ памятникахъ“. На стр. 161 читаемъ: „Естественно, что и южно-славянское вліяніе проникло въ Западную Русь, а отсюда дальше и въ Псковъ, именно черезъ посредство Галича и Кіева“.

[7]) Ibid, стр. 136 и 137.

Передъ нами возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1) Содержатъ ли псковскіе памятники южно-славянское вліяніе въ такой степени, чтобы возможно было предполагать въ нихъ широко развитую мѣну буквъ *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ѫ), какъ графическую черту, возникшую подъ вліяніемъ инославянской письменности?

2) Даетъ ли болгаро-сербская письменность достаточныя соотвѣтствія псковской мѣнѣ указанныхъ буквъ, чтобы возможно было говорить о заимствованіи въ интересующихъ насъ случаяхъ?

3) Представляютъ ли соотвѣтствующія данныя западно-русскіе и южно-русскіе памятники, чтобы возможно было считать ихъ посредниками при передачѣ мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ѫ) въ псковскія рукописи?

Академикъ А. А. Шахматовъ отвѣчаетъ на эти вопросы утвердительно. О южно-славянскомъ вліяніи онъ пишетъ на стр. 129 своей статьи: „мы знаемъ, что звуковыя измѣненія давали полное основаніе для смѣшенія буквъ ѫ и ѣ въ болгарскихъ памятникахъ и для смѣшенія ѧ и ѣ въ сербскихъ; мы знаемъ изъ предыдущаго, что псковскіе памятники весьма ярко отражаютъ южно-славянское вліяніе, усвоивши себѣ многіе пріемы южно-славянской графики (ср. аросславъ, вм. ярославъ, употребленіе большихъ юсовъ, смѣшеніе *ла, лу, на,* и т. д. съ *ля, лю, ня*); считаемъ себя поэтому въ правѣ искать причину мѣны *е* и *я* въ псковскихъ памятникахъ все въ томъ же южно-славянскомъ на нихъ вліяніи“. Какъ видимъ, самое право искать причину мѣны *е* и *а* въ южно-славянскомъ вліяніи акад. Шахматовъ основываетъ на опредѣленномъ своемъ представленіи объ отраженіи южно-славянскаго вліянія въ псковскихъ рукописяхъ. Но это представленіе оказывается неточнымъ въ отношеніи весьма многихъ рукописей.

Отраженіе южно-славянскаго вліянія на Шестодневѣ 1374 г. и другихъ псковскихъ памятникахъ. (Экскурсъ въ область древне-псковской орѳографіи).

Акад. А. А. Шахматовъ не отмѣчаетъ рѣзкаго отличія въ орѳографіи однихъ псковскихъ памятниковъ отъ другихъ, приписывая псковской письменности факты, указывающіе на яркое юго-славянское вліяніе. Между тѣмъ псковскіе памятники XIV вѣка, вообще говоря, содержатъ южно-славянское вліяніе весьма отличное отъ того, которое наблюдается въ большинствѣ псковскихъ памятниковъ XV в.

Во многихъ, по крайней мѣрѣ, псковскихъ памятникахъ XIV вѣка или вовсе не наблюдаются или исключительны факты, на которые опирается въ своемъ изслѣдованіи акад. А. А. Шахматовъ (арославъ; наличность ѫ; ла, на, вм. лꙗ, нꙗ и пр. под.), а между тѣмъ *въ подобныхъ памятникахъ случаевъ мѣны е и а никакъ не меньше, а иногда и значительно больше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ псковскихъ рукописяхъ, содержащихъ яркое юго-славянское вліяніе.*

Нашъ Шестодневъ представляетъ въ этомъ отношеніи любопытный матеріалъ.

Изслѣдуя вліяніе южно-славянской письменности на графику Шестоднева 1374 года, мы убѣждаемся, что южно-славянскаго вліянія того типа, на который указываетъ акад. А. А. Шахматовъ и который ярко отразился въ памятникахъ русской письменности XV в., въ нашемъ Шестодневѣ нѣтъ. Шестодневъ 1374 г. представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи весьма обрусѣвшій текстъ и напоминаетъ многочисленныя рукописи XIV вѣка, написанныя въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Ѫ въ нашемъ памятникѣ вовсе не встрѣчается.

Указаній на мѣну юсовъ мы не находимъ. Единственный относящійся сюда примѣръ: и снемь людии обидѧть тѧ 113 об. (=и сънѣмъ людии обидѫть тѧ) весьма похожъ на описку. Во всякомъ случаѣ столь исключительный фактъ намъ не даетъ права для какого бы то ни было заключенія.

Въ рукописи послѣдовательно находимъ начертаніе ꙁ-; начертаніе ы не встрѣчается.

Написаній аа вм. аꙗ, їа вм. иꙗ, ыа вм. ыꙗ въ нашей рукописи вовсе не встрѣчается, какъ нѣтъ и начальнаго а вм. ꙗ въ опредѣленныхъ случаяхъ. Болгарскаго є мы не находимъ; послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ обычно ѥ.

Правила постановки ї передъ гласными въ рукописи не существуетъ.

Ѕ въ качествѣ буквы не отмѣчено.

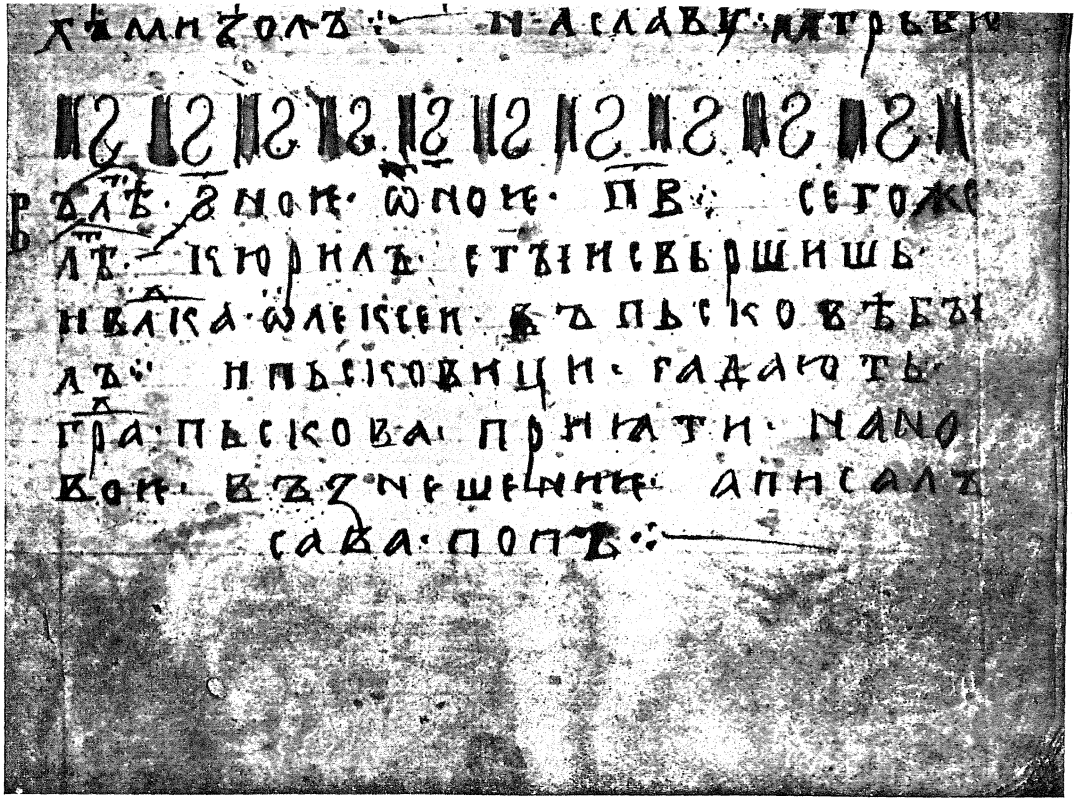
Весьма важною орѳографическою чертою памятника является также полное отсутствіе сочетанія жд на мѣстѣ обще-славянскаго *дj*. Вмѣсто него послѣдовательно находимъ ж или замѣняющее его въ нашей рукописи з: роженаго 2 об.; заблужьшаго 5 об.; побѣжаѥмъ 5 об.; ѡгражениѥ 8; преже 17 об.; тружающесѧ 18; дажь 17 об.; 99 об.; жизителѧ 38; жизеть 113 об. и оч. мн. др.

Въ соотвѣтствіе древне-русскимъ написаніямъ ьр, ър, ьл, ъл,

Снимокъ № 2. Шестодневъ 1374 г., листъ 75 об. (верхняя половина).

Снимокъ № 1. Шестодневъ 1374 г., листъ 34 (верхняя половина).

ѣ ѥбноуща. но всѧ подвигнете
прроцизанъıмолитесѧ архиерѣꙗ
молю прпбнъıꙗ. мчнцаже и стра
сто терпьцахвъı. всисъбцею. и
прѣтцею. хазанъıоумолите. даи
збавитнъı. въдн. судн ъıи.
Кыꙗ похвалнъıꙗ венца. возможе
мъ исплести. прехвалнии прро
цїи. съчтнъıмистли. съпреподо
бнъıмиѡчи. ꙗже свъıше сила
параклитова. неизреченьно въси
ꙗлаѥсть. тьмже молю въı. прѣ
чтьнъıꙗваша млтвъı пролѣитѣ
прошаща ѿ поуста. бещисленъı
хъ мизолъ. — на славу мтрьбю



Снимокъ № 3. Шестодневъ 1374 г., листъ 95.

ьрь, ълъ и пр. въ нашей рукописи находимъ слѣдующія сочетанія [1]):

1) ъ и ь передъ плавными: пьрвозданаго 4; оудьржасте 6 об.; вьрхъ 91; гърдъ-ню 18. Случаевъ очень много, при чемъ громадное большинство ихъ приходится на сочетаніе ьр, сочетанія же *ър*, *ъл*, встрѣчаются весьма рѣдко; случаевъ съ *ъл* вовсе не отмѣчено.

2) о и е (ѣ) передъ плавными: исполнилъ 4 об.; долготьрпеливѣ 11 об.; холмъ 34 об.; молнии 43; молва 101; чермьнемь 14 об.; свѣршена 32; ѿвѣрзълъ 36; вѣрхъ 42; терньѥ 103 об.; первоѥ 112; должени 115, дѣрзновениѥмъ 34 об.; претерпеша 42 и др. под.

3) о и е (ѣ) передъ плавными и ь (ъ) послѣ плавныхъ: дѣрьзновѣниꙗ 24 об.; оумерьша 39 об.; мерьтвьци 102 об.; долъжно 109; оволъкъшесѧ 48; корьмциꙗ 47. Здѣсь преобладаютъ сочетанія ерь (ѣрь), остальныя же встрѣчаются рѣдко.

4) ь по обѣимъ сторонамъ плавнаго р (ьрь): въ различныхъ падежахъ слова дьрьзновениѥ 84; 84 об.; 87 (2 р.); 87 об. (2 р.); 90 об.; 100; 104; 89 об.; оумьрьщвена 90 об.; вьрьховнии 90 об.; сьььрьнено 94; оумьрьша 105; пьрьстомь 110 об.; оусьрьдною 48, ѿвьрьсту 43 об. и др.

Всѣ типы написаній: ер (ѣр), ьр, ерь (ѣрь), ьрь могутъ указывать на одно произношеніе: ер̆. Это слѣдуетъ выводить изъ того факта, что буквы ь, е и ѣ въ большомъ количествѣ случаевъ замѣняютъ одна другую въ нашей рукописи, а ь довольно обычно указываетъ на мягкость предыдущей согласной. Что ь здѣсь играетъ роль знака мягкости, можно видѣть изъ отсутствія написаній ъръ, при частомъ написаніи ьрь.

Церковно-славянскихъ и вообще юго-славянскихъ написаній ръ, ль и пр. мы почти не находимъ. Отмѣченные нами два случая: ѡблъкшесѧ 31, м|рьтвьци 102, въ виду ихъ исключительности и въ виду того, что въ нашей рукописи описки, состоящія въ опущеніи буквы, не рѣдки [2]), едва ли не слѣдуетъ считать описками.

Случай смрть 43 объясняется случайнымъ пропускомъ титла, ср. см҃рть 43 и др.

Во всякомъ случаѣ писцы нашей рукописи даже не имѣли представленія объ орѳографическомъ правилѣ, состоящемъ въ возможности писать ръ, рь, лъ, ль для выраженія ер, ор, ел, ол.

---

[1]) Въ качествѣ примѣровъ мы выписали изъ рукописи во время чтенія этого памятника 108 случаевъ.

[2]) См. выше, стр. 8 (моурносицами 40; на стршнеи пьри 45).

Указаніе на болѣе или менѣе значительное вліяніе болгарскаго оригинала возможно бы искать лишь въ мѣнѣ ѫ и ь:

1) присмѣшіи 37; оумерѣша 39 об.; скончавъше 42; присмѣша 42 об.; истерѣша 47 об.; ѿкѣрѣшіи 50, 69 об.; кѫзрекъше 50; зачеѣшіи 54 об.; присмѣше 62 об.; сказавъше 62 об.; попрадѣша 68.

2) оканіхнѫ-ти 56 об.; локѫпоіс 57; роупокѫна 54; жикотѫпѫ-ти 57.

3) остѣрже сѧ 23; снемь (= сѫньмъ) 47 об.; снемь людіи 113 об.

4) крѣпькам 49 об; крепько 42 об.; англѣськѫма 61; корьмцима 47.

Почти всѣ случаи мѣны ѫ и ь падаютъ лишь на текстъ *второго* писца, вслѣдствіе чего эти случаи не характеристичны для *всей* рукописи.

Но и текстъ 2-го писца въ отношеніи мѣны ѫ и ь, повидимому, значительно обрусѣлъ. Писецъ переписалъ нѣсколько случаевъ мѣны изъ оригинала въ церковно-славянскихъ словахъ, такъ какъ не зналъ ихъ произношенія (п. 3); въ остальныхъ же случаяхъ сохранилъ мѣну лишь тамъ, гдѣ въ языкѣ его не было звука (п. 1, 2, 4), при чемъ въ большинствѣ случаевъ и здѣсь онъ, вѣроятно, руководился при постановкѣ ѫ и ь твердостью или мягкостью предшествующей согласной, которая, можетъ быть, смягчалась или отвердѣла, послѣ исчезновенія глухого, подъ вліяніемъ слѣдующей согласной (п. 1 и 2).

Смѣшенія твердыхъ слоговъ *ла*, *лу*, *на*, *ну* и пр. съ мягкими *ля*, *лю*, *ня* и пр. нами почти вовсе не было отмѣчено [1]). Однако мы нашли въ нѣсколькихъ словахъ мѣну ѫ-ю и почти исключительно въ текстѣ двухъ первыхъ писцовъ рукописи, а именно: непостѫжимаго 4 об.; непостѫжьному 44 об., непостѫжимѫ-ти 55 об.; (ср. непостижимѫ-ти 10 об., 11 и др.); праведныѫ 35; церковныѫ апѳл 1. Послѣдніе два случая (въ виду колебанія въ русскихъ діалектахъ: искренный и искренній, зимній и зимный) мы считаемъ не вполнѣ надежными фактами для вопроса о юго-славянскомъ вліяніи. Слово „непостыжный“ нерѣдко съ ѫ-ю въ русскихъ спискахъ разныхъ вѣковъ. Конечно, это слово вполнѣ могло попасть и изъ южно-славянскаго оригинала. Малочисленность случаевъ мѣны ъ и и и отсутствіе ихъ въ текстѣ 3-го писца указываютъ либо на то, что и въ первоначальномъ оригиналѣ подобныхъ случаевъ было мало, либо на то, что наша

---

[1]) Случай: мѫтльную гордъ-ну низложьше 14 похожъ на описку. Случай ѿ какоуложе 113 об., можетъ быть, переписанный съ болгарскаго оригинала, конечно, сомнительный и во всякомъ случаѣ не относится къ случаямъ вліянія церковно-славянской или средне-болгарской орѳографіи на правописаніе русскихъ словъ.

рукопись и въ этомъ отношеніи рѣзко измѣнена русскими переписчиками.

Случаи: изистлениѥ 57; изистлениꙗ 43 об.; изистлѣниѥ 18 (при: изъ-истлениѥ 47; изъ-истлѣниꙗ 20 об.), конечно, сюда не относятся.

Не содержа, какъ мы видѣли, ряда болгаризмовъ, обычныхъ въ рукописяхъ, на которыхъ отразилось юго-славянское вліяніе XIV—XV вѣковъ, нашъ памятникъ обладаетъ болгаризмами, вошедшими въ русскую орѳографію въ древнѣйшій періодъ русской письменности и присущими вполнѣ обрусѣвшимъ спискамъ, исполненнымъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ XIII—XIV вв.

Церк.-славянское *щ* послѣдовательно замѣняетъ русское *ч*, происшедшее изъ **тj*. Это орѳографическое правило, соотвѣтствовавшее церковному произношенію, наши писцы считали для себя настолько обязательнымъ, что третій писецъ единственную свою ошибку въ словѣ „немочьнъ-ꙗ“ 94 об. счелъ нужнымъ исправить (и ч и щ ясно видны въ памятникѣ), а у перваго и у второго писцовъ ошибокъ вовсе нѣтъ, если не считать написанія чюжь 40, которое едва ли сюда относится.

Церковно-славянская форма род. ед. прил. на аго (ꙗго) обычна: роженаго 2 об.; рожьшаго 2 об.; пьрвозданаго 4; непостъ-жимаго 4 об.; заблужьшаго 5 об.; краѥоуголнаго 23, трьсвѣтлаго 87; оканьнаго 87 об., страшнаго 91; тресвѣтлаго 93 об.; страшнаго 96; деснаго 104 об.; дв҃цьскаго 111; оц҃ьскаго 5; бесплътнаго 6 об.; оканьнаго 88 об.; прочвѣтъшаго 104 и др. Сравнительно рѣдко приходилось встрѣчать русскую форму на *-ого*: словесного 36 об., вѣрного 52.

Наоборотъ, дат. ед. прил. обыченъ съ окончаніемъ *ому*, *ему*: животворѧщему 3 об.; чл҃вчьскому 4; 5; новому, преславному 20; оукрепльшему 36 об.; проседъшему 38; въшнѣму 39 об.; живоношному 50 об.; трьстому 89; непостъ-жному 44 об. и др. под. Весьма рѣдко находимъ въ этой формѣ окончаніе оуму: доброуму 5 об.; нб҃ноумоу 110, просвѣщьшюму 36.

Формъ простого аориста (ведъ, ведѫ и пр.) и 1-го сигматическаго (привѣсѧ) въ нашемъ памятникѣ не находимъ.

Встрѣчается иногда достигательное наклоненіе: шедше помазатъ 40; взыскатъ 41. Весьма любопытны формы на тъ въ припискахъ, писанныхъ живымъ языкомъ: шести оужинатъ л. 78, 96; поѥхати питъ 79, полести мъ-тъсѧ 84 об. Можетъ возникнуть даже вопросъ о принадлежности подобныхъ формъ живому говору, однако твердыхъ основаній для такого предположенія мы не имѣемъ.

Большая часть отмѣченныхъ сейчасъ нами орѳографическихъ особенностей выступаетъ ярко и во многихъ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка.

Вполнѣ опредѣленны показанія Параклитика 1369 г. (Синод. Библ. № 837). При отсутствіи ѫ, буквъ ѕ, є, ы, сочетаній аа, їа, ыа и правила постановки і передъ гласными (какъ исключеніе „немощніи“ 25), мы находимъ въ этомъ памятникѣ послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ послѣдовательно ꙗ, ѥ.

Вмѣсто церковно-славянскихъ сочетаній ръ, рь, лъ, ль наблюдаются послѣдовательно проведенные руссизмы: толъстотѣ 4; скьршаꙗ 4 об.; мертвцехъ 5; дьрьжаьною рукою 5; тььрдъ-ни 5 об.; оутььрьдисѧ 21; мьрьтва 22; пьрвозданаго 23; дьржаку 24 об.; ѿвьрзохъ 25; вседьржителѧ 27; терпениꙗ 32 об.; долготьрпеливе 36 об.; разверглъ 47; исполнени 57; оутвьрьжии 73 об.; оумьрьщвениѥ 118 об.; наполнисѧ 118 об., 129 и мн. др.

Постановка ж вм. жд также является вполнѣ послѣдовательной, какъ орѳографическое правило: преже 4, 118 об.; подажь 6; заблужьшаго 21, 21 об.; рожьши 22; нлсажено 24; подажь 36; исхожаше 48 об.; стражюща 48 об.; чьрмоною 56 об.; надежю 74; дажь 118; заблужающе 124; подажь 134 и мн. др.—Исключеній мною почти не отмѣчено.

Въ Параклитикѣ 1386 г. (Синодальн. Библ. № 838) мы можемъ отмѣтить слѣдующіе факты.

ѫ отсутствуетъ. ѕ не употребляется въ качествѣ буквы. Постоянно находимъ ъ-ı (ы не встрѣчается). Правила постановки і передъ гласными мы также не находимъ (і ставится нерѣдко въ концѣ строки: мі|ръ 126, крепі|мьсѧ 176 и др. или передъ согласными и на концѣ словъ: і҃се 126, оущедрі 164 и пр. под.).

Вмѣсто сочетаній аа, їа, еа, находимъ постоянно аꙗ, иꙗ, еꙗ; равнымъ образомъ нѣтъ є, вмѣсто котораго (въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ) ѥ: твоꙗ 7; ѡкаꙗниѥ моѥ 32; въ ѡканьноѥ моꙗ срдце 33; срдце моꙗ 35, 77; прелукавъ-ꙗ 60; прегрѣшениѥ моꙗ 60; ѥдине 35; ѥго 56 и мн. др.

ж послѣдовательно вмѣсто жд (изъ *dj): вижь 7 об.; заблужьшаго 33 об.; роженаго 34 об.; прохлажающи 35; порожьши 55; порожьше 59; исхожаше 61; рожьшиꙗ 77; невежьства 127; надежа 127; роженоѥ 137; осужениѥ 139; преже 164; надежею 166; наслажаѥтесѧ 178 и оч. мн. др.

ъ и ь или замѣняющіе ихъ о и е въ опредѣленныхъ случаяхъ послѣдовательно стоятъ передъ плавными; иногда встрѣчаются сочетанія ере, ерь вмѣсто ьр (написаній глухихъ послѣ плавныхъ я почти не отмѣтилъ): зьрцала 7; пьрвѣѥ 7; исполнѧюще 7 об.; пьрваго 32 об.; оумерщ-

венъ-и 32 об.; оутвердивъ 33; ѡдержима 33 об.; больъ 33 об.; оутвержениѥ 33, 56; молниѥ 56; чертогоу 57, чертоже 58 об.; терновомь 60; чьрмьноѥ 94; черемьнаго 77; дерьзновениѥ 94; вълною 110; терпить 139; волнъ-ı 147; вьрхъ 167, 168; волка 172 и оч. мн. др. Лишь какъ исключеніе въ этомъ памятникѣ отмѣчено: распрострътама 109 об.

Здѣсь, впрочемъ, находимъ факты, указывающіе и на юго-славянское вліяніе особаго типа: вышеуказанное распрострътама 109 об., сющу 46, всѣленюю 57; прообразую (вм. прообразуѩ) 81 об. и др. [1]), но эти факты, вслѣдствіе малочисленности, не могутъ указывать на графическій пріемъ писцовъ, а являются лишь единичными случаями, которые уцѣлѣли въ весьма обрусѣвшемъ спискѣ.

Сходныя особенности мы находимъ также въ отрывкѣ псковскаго Паремейника 1313 и Ирмологіи 1344 г. [2]).

Разсмотрѣнные сейчасъ факты характеризуютъ орѳографію многихъ псковскихъ рукописей, повидимому, за періодъ всего XIV вѣка. По крайней мѣрѣ совершенно аналогичныя особенности мы находимъ съ одной стороны въ Апостолѣ 1307 года [3]), съ другой—въ Сборникѣ Софійской Библіотеки № 1262 [4]), писанномъ типичнымъ русскимъ полууставомъ XIV—XV вв.

Относительно большое количество юго-славянизмовъ нами отмѣчено въ Апостолѣ 1309—1312 г., хотя и его орѳографія носитъ на себѣ печать сильнаго вліянія русскихъ переписчиковъ [5]).

Если сопоставить Шестодневъ 1374 г. въ отношеніи вышеуказанныхъ особенностей съ памятниками псковской письменности XV—XVI и частью даже XVII в., то мы замѣтимъ рѣзкую разницу. Въ громадномъ большинствѣ этихъ послѣднихъ памятниковъ мы находимъ

---

[1]) А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 133.

[2]) Указанія на эти рукописи имѣются въ сочиненіи „Языкъ Пскова“, стр. 144.

[3]) Синод Библ., № 722. Здѣсь нами отмѣчено постоянное ъ-ı; отсутствіе ѫ; обычныя ꙗ, ѥ (иногда и є) послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ (ѥсть 111 об., ꙗко 72 об., моѥ 111 об; ѥго 62 об. и др); отсутствіе правила о постановкѣ ї передъ гласными (вѣтрї, памфїли 50); постановка гласныхъ передъ плавными въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ орѳографическое правило (наполнивъ сѧ 10, дѣръзновѣньѥ 10 об.; наполни 12 об., на долзѣ, волхвованьемь 8; скорбѧще 60, вѣртьпѣхъ 60; съвѣршени 60, гордость 60, тьрпимъ 72, съдьржите 73; скорбю 75 об., смерть 112 и др.); обычно русское ж (изъ *дj*). чюжахоусѧ 100 об.; насажаѥть 71 об. и др.

[4]) Языкъ Пскова, стр. 131.

[5]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 124· погъ-ıбѣлъ 131, пѧтъдесѧтъ 34, дъждъ 35, кръстъ 46, быстъ 29 об., оупразнитъ 49, будетъ 56 об.; землу 9, луді 14, съмьрть гн҃у 78 об; дъжду 120 об. и др.

є и отсутствіе ѥ, і передъ гласными, ы (иногда въ чередованіи съ ꙑ), написанія ыа, їа, аа, єа вм. сочетаній ыа, їа, аа, єа, обычно въ чередованіи съ послѣдними, начальное а вм. а, сочетанія ρѫ, ρы, лѫ, лы на ряду съ оρ, ол, ер, ел. Къ этимъ особенностямъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ присоединяются еще слѣдующія: жд на ряду съ ж, ѕ въ качествѣ буквы (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ часто), иногда даже ж [1]), а также изрѣдка явленія, обязанныя своимъ происхожденіемъ мѣнѣ юсовъ (см. Языкъ Пскова, стр. 6 — 7). Перечисленныя особенности не въ одинаковой степени отразились на псковскихъ памятникахъ XV—XVI вв., но все же комбинація ихъ придаетъ ороографіи памятниковъ яркую окраску и въ общемъ замѣтно отличаетъ ихъ отъ псковскихъ памятниковъ XIV вѣка.

Изслѣдователь южно-славянскаго вліянія съ одной стороны и мѣны ѣ(ѣ) и а(ꙗ, ѧ) съ другой въ псковскихъ памятникахъ XIV—XV вв. долженъ придти къ выводу, что мѣна ѣ и а въ псковскихъ рукописяхъ совершенно не стоитъ въ соотвѣтствіи съ характеромъ и силой южно-славянскаго вліянія. Несмотря на болѣе сильное вліяніе южно-славянской ороографіи на памятники XV в., въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣна *е* и *а* рѣдка. Напр., у перваго писца 2-ой части Сборника Моск. Синод. Библ. № $\frac{53}{265}$ на 167 листахъ его работы эта мѣна отмѣчена лишь въ четырехъ случаяхъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, хотя ороографія этой части рукописи содержитъ яркіе болгаризмы (ѫ, ѕ, глухіе послѣ плавныхъ и пр.). Немногочисленны случаи разсматриваемой мѣны и въ Палеѣ 1477 года, хотя юго-славянское вліяніе въ этой рукописи значительное. Между тѣмъ въ Сборникѣ Соф. Библ. № 1262, который въ отношеніи ороографіи представляетъ весьма обрусѣвшій текстъ, находимъ около 150 случаевъ мѣны буквъ *е* (ѣ, ь) и *а* (ѧ, ꙗ). То же самое наблюдается и въ памятникахъ XIV в. Въ Апостолѣ 1309—1312 г., который содержитъ, какъ мы видѣли, особенно значительное число фактовъ, указывающихъ на южно-славянское вліяніе [2]), случаевъ мѣны ѣ и а проф. А. И. Соболевскій отмѣтилъ

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Трефолой 1446 года (Р. Фил. В. 1888 г.). Н. Каринскій. Языкъ Пскова, стр. 8—10, 46, 47, 64, 65, 78, 79, 98, 99, 113, 120. Акад. А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в., стр. 115—120.

[2]) Среди этихъ фактовъ и такіе, какъ лудн, дъжду, къ землу, съ призка, погыкѣлъ и др. (А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 124)

лишь 2 на 129 листахъ рукописи [1]), въ то время какъ изъ Параклитика 1369 г., весьма обрусѣвшаго въ отношеніи орѳографіи, акад. А. И. Соболевскій выписалъ 41 случай. Весьма также любопытны, какъ мы видѣли, показанія нашего Шестоднева.

Итакъ изученіе древне-псковской письменности со стороны орѳографіи заставляетъ насъ признать, что объясненіе мѣны є(ѣ) и а(ꙗ, ѧ) въ псковскихъ памятникахъ „искусственнымъ пріемомъ графики", ведущимъ насъ въ значительной степени къ средне-болгарскому вліянію, встрѣчаетъ затрудненія. При подобномъ объясненіи мы совершенно не въ состояніи понять, почему въ Шестодневѣ 1374 г., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ рукописяхъ, подъ перомъ русскихъ переписчиковъ, согласно русскому произношенію, южно-славянскія сочетанія *рь*(*ръ*), *ль*(*лъ*) послѣдовательно замѣнялись въ опредѣленныхъ случаяхъ русскими сочетаніями *ор*, *ол*, *ер*, *ел* (*ъл*, *ър*, *ьл*, *ьр*), почему русское *ж* также совершенно послѣдовательно замѣнило *жд* болгаро-сербскихъ оригиналовъ, почему явились ꙗ, ѥ вм. южно-слав. *а*, є и пр. под. [2]), и почему на ряду съ этими фактами въ большомъ количествѣ случаевъ распространена мѣна буквъ *е*(ѣ) и *а*(ꙗ, ѧ), если въ языкѣ псковичей не было явленій, которыя бы способствовали подобной графической мѣнѣ въ рукописяхъ. Намъ остается непонятнымъ и то, почему количество случаевъ мѣны *е* и *а* не стоитъ въ зависимости отъ силы юго-славянскаго вліянія на орѳографію данной рукописи.

Намъ остается совершенно также неяснымъ, почему яркая мѣна *е*(*ѣ*) и *а*(ꙗ, ѧ) находится въ памятникахъ, не имѣющихъ написаній въ родѣ „арославъ", большихъ юсовъ, смѣшенія ла, лу, на и т. д. съ ля, лю, ня, т. е. не имѣющихъ вовсе или почти не имѣющихъ тѣхъ именно фактовъ, наличность которыхъ побуждаетъ акад. А. А. Шахматова, по его словамъ, искать причину мѣны *е* и *я* въ южно-славянскомъ вліяніи.

Однако принятіе гипотезы акад. А. А. Шахматова встрѣчаетъ и другія затрудненія. Самый характеръ мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскихъ памятникахъ—иной, чѣмъ характеръ соотвѣтствующихъ явленій въ южно-славянскихъ рукописяхъ.

Въ Шестодневѣ 1374 года почти всѣ случаи этой мѣны падаютъ,

---

[1]) Очерки, стр. 123.

[2]) Насколько обрусѣлъ текстъ Шестоднева 1374 года, видно, между прочимъ и изъ фактовъ морфологіи· русская причастная форма всемогаи почти совершенно вытѣснила въ немъ древне-церковно-славянскую. всемогъ-ии.

какъ мы видѣли, на конечный открытый слогъ и только 3 случая несомнѣнныхъ и 4 сомнительныхъ падаютъ на всѣ другія сочетанія. Половина всѣхъ случаевъ этой мѣны нами отмѣчена въ двухъ падежахъ: 1) им.—вин. ед. ср. р. сущ. на—*ье* (замѣна конечнаго *е* черезъ ѥ) и 2) род. ед. муж.—ср. р. сущ. мягк. скл. (замѣна ѥ черезъ е). Аналогичные факты мы наблюдаемъ въ Сборникѣ Соф. Библ. № 1262, въ которомъ въ тѣхъ же падежныхъ окончаніяхъ мы отмѣтили болѣе 110 случаевъ, что составляетъ болѣе половины всѣхъ случаевъ разсматриваемой мѣны. Вообще въ псковскихъ рукописяхъ наибольшее количество случаевъ мѣны *е* и *а* падаетъ на конечный открытый слогъ и мѣна эта весьма обычна въ указанныхъ выше падежахъ.

Совершенно иную картину наблюдаемъ въ южно-славянской письменности.

Соотвѣтствій псковской замѣнѣ *е* черезъ *а* (ѧ) въ им.—вин. сущ. на *ие* (*ье*) въ южно-славянской письменности акад. А. А. Шахматовъ вовсе не нашелъ, о чемъ онъ и заявляетъ на стр. 135 статьи „Нѣсколько замѣтокъ“ [1]). Матеріалъ, который приводитъ акад. Шахматовъ изъ южно-слав. письменности, какъ соотвѣтствующій обратной замѣнѣ а (ѧ, ѧ) черезъ е (ѣ), едва ли возможно признать достаточнымъ. Говоря о самыхъ многочисленныхъ случаяхъ такой замѣны послѣ гласныхъ (слѣдовательно, вмѣстѣ и о род. ед. сущ. на *ие*, *ье*), акад. А. А. Шахматовъ пишетъ: „И въ этихъ случаяхъ *е* восходитъ къ ѧ южнослав. оригиналовъ, ср. обычныя въ нихъ написанія, какъ маріѣ, Бжіѣ закона, прѣжде зачатіѣ, слова моѣ, дрѣво спсеніѣ и т. д.“. Здѣсь на интересующую насъ форму приводится 3 примѣра безъ указанія, изъ какихъ памятниковъ эти примѣры взяты [2]). При описаніи 12-ти средне-болгарскихъ рукописей, описаніи, въ которомъ авторъ имѣетъ цѣлію исключительно сгруппировать факты, соотвѣтствующіе псковской мѣнѣ *е* (*а*) и *а* (ѧ, ѧ), акад. А. А. Шахматовъ приводитъ на род. ед. съ окончаніемъ—иѣ (вм. иѧ) только 2 случая изъ одного памятника, а вообще на род. ед. мягкаго склоненія 7 случаевъ изъ 6-ти памятниковъ (стр. 130—132).

Въ виду этого мы не можемъ согласиться съ акад. А. А. Шахматовымъ, который далѣе въ разсматриваемой статьѣ рѣшается утвер-

[1]) Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Не отрицая возможности того, что и здѣсь *я* вмѣсто *е* могло появиться графическимъ путемъ, я считаю болѣе вѣроятнымъ сблизить *ия*, *ья* псковскихъ памятниковъ съ *ия*, *ья* памятниковъ малорусскихъ“.

[2]) Стр. 134. Послѣ согласныхъ въ томъ же падежѣ указаны 2 случая (огнѣ и морѣ) въ двухъ средне-болгарскихъ памятникахъ, стр 133

ждать слѣдующее: „Такъ въ особенности для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что написанія съ *е*, *ъ* вм. *а* (ѧ) ведутъ насъ вообще всѣ къ средне-болгарскимъ памятникамъ“ [1]).

Въ западно-русскихъ и южно-русскихъ памятникахъ (принадлежность которыхъ югу или западу Россіи для насъ несомнѣнна) намъ также не приходилось встрѣчать характера мѣны *е* и *а*, *тожественнаго* съ характеромъ мѣны въ псковскихъ рукописяхъ.

Правда, въ средне-болгарскихъ рукописяхъ, а также въ южно-русскихъ и западно-русскихъ спискахъ съ болгарскихъ оригиналовъ, наблюдаются нѣкоторыя явленія, которыя можно поставить въ связь съ псковской мѣной *е* и *а*. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ Псковъ, какъ и въ нѣкоторые другіе центры Россіи, до XIV в. заносились иногда болгарскія рукописи, которыя содержали мѣну ъ и ь, мѣну ѧ и ѫ, мѣну твердыхъ и мягкихъ слоговъ и пр. (см. Апостолъ 1309—1312 г.), а также замѣну ѧ (ѧ) черезъ ѣ (ѣ) и пр. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ русскихъ юго-западныхъ рукописяхъ мы находимъ весьма незначительное количество случаевъ замѣны *е* черезъ ѧ (ѧ) и ѧ (ѧ) черезъ *е*. Однако мы должны имѣть въ виду, что подъ перомъ русскихъ переписчиковъ въ псковскихъ спискахъ быстро исчезали или измѣнялись тѣ графическія особенности болгарскихъ и южно-русскихъ оригиналовъ, которыя *не согласовались съ произношеніемъ псковичей-переписчиковъ*. Орѳографія приспособлялась къ псковскому произношенію. Въ виду этого мы поддерживаемъ мнѣніе, что псковская мѣна *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ѧ) является показателемъ существованія въ говорѣ древне-псковской области опредѣленныхъ звуковыхъ явленій [2]). При этомъ мы склонны допустить, что въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ писцы псковскихъ рукописей могли усмотрѣть въ орѳографіи болгарскихъ или списанныхъ съ болгарскихъ русскихъ юго-западныхъ и западныхъ оригиналовъ черты, отчасти пригодныя для графическаго изображенія (правда, весьма неточнаго) опредѣленныхъ псковскихъ зву-

[1]) Ib., стр. 135

[2]) Упоминая о разнообразныхъ объясненіяхъ псковскаго *я* вм. *е* и *ъ*, акад. А. И. Соболевскій пишетъ „Послѣднее изъ нихъ—А. А. Шахматова—въ *Журн. Мин. Нар. Просв* 1909 г. № 6. Мы его считаемъ неудачнымъ“ (Русск. Фил. Вѣстн. 1909 г. №№ 3 и 4, стр. 233) Проф. Б. М. Ляпуновъ пишетъ „Но въ частности, что касается мѣны буквъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (съ одной стороны врѣмѣ, колѣ, съ другой—при царѧ), то мнѣ не совсѣмъ понятно, почему бы мы вмѣстѣ съ А. И. Соболевскимъ и за нимъ Н. М. Каринскимъ не могли объяснять эти случаи и съ точки зрѣнія фонетической“ (Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., стр. 553)

ковыхъ особенностей. Однако псковичи придали болгарской графикѣ и въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, своеобразный характеръ.

Въ виду того, что намъ до сихъ поръ неизвѣстны памятники псковской письменности до XIV в., а также не изучены въ достаточной степени и говоры, въ которыхъ сохраняются нѣкоторыя древнепсковскія діалектологическія черты, представляется весьма труднымъ опредѣлить, когда произошли и какого рода были тѣ звуковыя измѣненія, которыя привели въ XIV и XV вв. къ разсматриваемымъ сложнымъ графическимъ особенностямъ. Но намъ представляется весьма вѣроятнымъ, что въ XIV и XV вв. въ конечномъ открытомъ слогѣ псковичи произносили *е* близко къ *а*, или даже совершенно, какъ *а* [1]).

Вопросъ объ отвердѣніи р въ связи съ данными діалектологіи.

Фактовъ, на основаніи которыхъ возможно бы было сдѣлать предположеніе объ отвердѣніи *р*, въ нашей рукописи не много, при чемъ всѣ сколько-нибудь надежные случаи падаютъ на текстъ второго писца:

цр҃оу 62; пастъ-роу добръ-и 41 об.; 51 (ср. пастъ-рю доброму 5 об.); бороущихъсѧ 52; боуроу (оп.?) 72 об.; ръ-торъ 41 об. (ср. риторьска 36 об.); цѣломудръ-нъ-мь 27 (оп.?); любопытно также написаніе ри вм. ры: закривъ 40; ѿьриваеть 115; рибитви 36 об. (при: ръ-битви 42, 41 об.).

Судя по описаніямъ акад. А. И. Соболевскаго, въ цѣломъ рядѣ другихъ памятниковъ, писанныхъ въ Псковской области въ XIV вѣкѣ, подобныхъ фактовъ еще меньше [2]). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV вѣка, на ряду съ сочетаніемъ ру вм. рю, имѣемъ лу, ну вм. лю, ню и наоборотъ, напримѣръ, въ Типогр. Псал. № 35 на ряду съ „борущаисѧ“ имѣемъ „възвеселусѧ“, блюдницю [3]), или въ Паракл. 1386 г. на ряду съ „градѣте“ находимъ „сющю“, „всѣленюю“ [4]). Въ нашемъ памятникѣ, какъ мы видѣли, мѣны оу и ю послѣ другихъ согласныхъ, кромѣ *р*, почти не отмѣчено, что опредѣленно выдвигаетъ вопросъ объ отвердѣніи этой согласной. Однако отнесеніе этого явленія къ псковскому говору XIV вѣка (въ виду малочисленности соотвѣтствующихъ примѣровъ въ нашей рукописи и вообще въ памятникахъ XIV вѣка, а также книжнаго характера этихъ примѣровъ) возможно *съ*

---

[1]) Проф. Б. М. Ляпуновъ, op. cit., стр. 553. Языкъ Пскова, стр. 152.

[2]) См. Очерки, стр. 120, 126, 127, 130, 133, 137, 154.

[3]) Ib., стр. 137.

[4]) Ib., стр. 133.

увѣренностью лишь въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что въ XV вѣкѣ твердое *р несомнѣнно* было распространено въ говорѣ Пскова.

Въ 1909 году, на основаніи разсмотрѣнія ряда псковскихъ памятниковъ XV и слѣд. вѣковъ, мы пришли къ заключенію о существованіи отвердѣвшаго *р* въ псковскихъ говорахъ этой эпохи [1]). Этотъ фактъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ даетъ возможность тѣснѣе сближать псковскіе говоры съ бѣлорусскими, а это сближеніе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими соображеніями, приводитъ къ вѣроятному предположенію о колонизаціи западно-руссовъ въ область псковичей. Акад. А. И. Соболевскій, соглашаясь съ нашими заключеніями, пишетъ: „Особенности псковскаго говора XV в., извлеченныя Н. М. Каринскимъ,—отчасти тѣ же, что и особенности псковскаго говора XIV в... Между ними также нерѣдко отвердѣвшее *р*, сближающее псковскій говоръ XV в. съ бѣлорусскими говорами“ [2]).

Акад. А. А. Шахматовъ дважды высказался по поводу нашихъ предположеній. Въ первый разъ въ 1909 году онъ, въ противуположность нашему мнѣнію, утверждалъ, что отвердѣніе на письмѣ *р* не содержитъ указанія на псковскую звуковую особенность, а является однимъ изъ искусственныхъ пріемовъ графики, по той или иной причинѣ полюбившихся псковскимъ книжникамъ [3]). Въ 1915 году акад. А. А. Шахматовъ рѣшительно измѣняетъ свое мнѣніе: „Другимъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ“, говоритъ онъ: „могло быть твердое произношеніе *р*. Изъ собраннаго Н. М. Каринскимъ матеріала изъ псковскихъ памятниковъ XV в. можно заключить о твердомъ произношеніи исконнаго *р* въ Псковѣ. Правда, графика псковскихъ памятниковъ находилась въ сильной зависимости отъ памятниковъ бѣлорусскихъ, съ одной стороны, южно-славянскихъ—съ другой; твердое *р* могло быть заимствовано какъ изъ той, такъ и изъ другой письменности, ср. хотя бы написанія *лоу*, *ла*, *лъ* и т. п. вмѣсто лю, лѧ, ль, перешедшія въ псковскія рукописи изъ южно-славянскихъ оригиналовъ. Но, во-первыхъ, отвердѣніе *р* можно указать и въ оригинальныхъ псковскихъ памятникахъ, какъ то въ лѣтописяхъ и записяхъ, напримѣръ въ Псковской 1-й лѣт.: манастыры, патрыкѣевичь, старынахъ (ср. соображенія Н. М. Каринскаго, Языкъ Пскова, стр. 181); во-вторыхъ, видимъ его въ чисто русскихъ словахъ и въ названіяхъ мѣстностей, напримѣръ рыге, рызѣкои въ той же Псковской 1-й лѣт. (ib.,

[1]) Языкъ Пскова, стр. 180—183.

[2]) Русскій Фил. Вѣстн. 1909, № 3—4, стр. 232.

[3]) „Нѣсколько замѣтокъ“, стр. 148—150.

стр. 84—85). Можно думать поэтому, что отвердѣніе *р* въ древне-псковскихъ говорахъ однородно съ отвердѣніемъ *р* въ бѣлорусскомъ“ [1]).

Въ приведенномъ сейчасъ мнѣніи акад. А. А. Шахматовъ опирается, какъ видимъ, исключительно на факты и соображенія нашей книги, которые имъ имѣлись въ виду и при составленіи статьи „Нѣсколько замѣтокъ“ въ 1909 г. Но въ 1909 году почтеннымъ изслѣдователемъ высказаны были критическія замѣчанія по поводу нашего заключенія и приведены соображенія, которыя препятствуютъ, по его мнѣнію, отнести отвердѣніе *р* къ псковскому языку XV в. Эти критическія замѣчанія и соображенія казались вполнѣ убѣдительными проф. Б. М. Ляпунову, который, признавая ихъ силу, не рѣшился приписать говору Пскова твердое *р* [2]). Акад. И. В. Ягичъ, имѣя въ виду эти возраженія, колебался, относить ли матеріалъ псковскихъ памятниковъ, свидѣтельствующій объ отвердѣніи *р* къ псковской области или къ бѣлорусской [3]). Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи [4]) акад. А. А. Шахматовъ не объяснилъ, почему высказанныя имъ въ 1909 году критическія замѣчанія и соображенія недостаточны, чтобы поколебать выводъ о существованіи отвердѣлаго *р* въ древне-псковскомъ говорѣ. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть замѣчанія и соображенія, приведенныя въ статьѣ „Нѣсколько замѣтокъ“.

Въ этой статьѣ А. А. Шахматовъ находилъ нашъ матеріалъ, вообще говоря, убѣдительнымъ: „Казалось бы, что, дѣйствительно, извлеченныя имъ“ (т. е. авторомъ книги „Языкъ Пскова“) „изъ псковскихъ памятниковъ данныя достаточны для признанія наличности въ языкѣ писавшихъ ихъ твердаго *р* вмѣсто мягкаго“. Онъ находилъ лишь недостаточно убѣдительными факты, выбранные нами изъ Сборника Соф. Библ. № 1262 [5]). Кромѣ того онъ полагалъ, что написанія *ро* вм. ожидаемаго *ре* (берогъ, береза) ни въ коемъ случаѣ на отвердѣніе *р* не указываютъ [6]). Рѣшительно не соглашаясь съ этими замѣчаніями акад. А. А. Шахматова [7]), мы должны отмѣтить, что,

---

[1]) Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, стр. 328—329 (Энциклопедія слав. филологіи. В. 11,ₓ).

[2]) Проф. Б. М. Ляпуновъ. Отзывъ о сочиненіи Н. М. Каринскаго. Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., стр. 541—542, 553.

[3]) Archiv fur Slavische Philol, 31, 3. 1910, стр. 456.

[4]) Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

[5]) „Нѣсколько замѣтокъ“, стр. 138 прим.

[6]) Ib., стр. 149

[7]) Недовѣріе къ матеріалу Сб. Соф. Библ. № 1262 акад. А. А. Шахматовъ фор-

каковы бы ни были заключенія о матеріалѣ Сборника Соф. Библ. № 1262 и написаніяхъ *ро* вм. *ре*, они, конечно, не могутъ имѣть существеннаго значенія для вопроса объ отвердѣніи *р* въ древнепсковскомъ языкѣ XV в. Признавая матеріалъ, извлеченный нами

мулируетъ такими словами: „авторъ на стр 136 приводитъ рибы рибари, ридан, рпломъ, объясняя эти написанія слѣдствіемъ отвердѣнія *р*, вообще недоказаннаго для этого памятника, ибо оно ограничивается не русскими глагольными формами· градеть, градуща, градуть и т. п и еще словами зроу, прамо (бруху, серобро признаемъ вслѣдъ за авторомъ описками; створыи, какъ видно изъ контекста, ошибка, вмѣсто створивыи" (стр. 138 прим.). Какъ видимъ, скепсисъ вытекаетъ изъ недостаточности фактовъ. Намъ кажется, что при оцѣнкѣ фактовъ Сборника Соф. Библ. № 1262 акад. А. А. Шахматовъ примѣняетъ не тотъ критерій, какой имъ примѣняется при оцѣнкѣ однородныхъ фактовъ въ другихъ случаяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, акад. А. А. Шахматовъ располагалъ слѣдующими данными для признанія твердаго *р* у писца Сборника № 1262· 1) Сборникъ писанъ въ Псковѣ въ началѣ XV вѣка, 2) другія псковскія рукописи XV в имѣютъ достаточный матеріалъ для признанія въ нихъ наличности указаній на твердое *р* (если руководиться исключительно показаніями этихъ рукописей), 3) въ Сборникѣ № 1262 мы имѣемъ два примѣра (зру, прамо), которые относятся къ словамъ чисто русскимъ, 4) въ Сборникѣ № 1262 всего около 50 случаевъ. которые всѣ могутъ объясняться, если принять предположеніе объ отвердѣніи *р*, отраженіемъ этого явленія, хотя допускаютъ и иныя объясненія (описками, заимствованіемъ съ болгарскаго и т. п) Данныя эти А. А. Шахматовъ призналъ недостаточными. При оцѣнкѣ этихъ фактовъ А. А. Шахматовъ рѣшительно признаетъ описками примѣры *бруху*, *серобро*, ссылаясь въ этомъ случаѣ на наши слова, хотя мы выразились осторожно· „Случаи: серобро, бруху и под. можно считать описками". Таковъ строго критическій пріемъ почтеннаго изслѣдователя, когда онъ *опровергаетъ* собранныя нами данныя для доказательства отвердѣнія *р*. Нѣсколько иначе относится акад. А. А. Шахматовъ къ фактамъ рукописей, когда *доказываетъ существованіе мягкаго р* въ опредѣленныхъ случаяхъ. На стр. 149 читаемъ: „Отмѣтимъ еще, что написанія *ро* вмѣсто ожидаемаго *ре* на мѣстѣ произносившагося р'о ни въ коемъ случаѣ не указываютъ на отвердѣніе *р*. Считаю себя въ правѣ читать серобра, з берога, поперокъ, царовна, на беростовѣ и т. д. Синод. № 154 съ мягкимъ. а не твердымъ *р*, въ виду написаній роублов, роублова, привозоша; также читаю съ мягкимъ р с берога, погроб, чероду, богатыровъ, Погод. № 1413, въ виду написаній полононо 157а, истоплоно 160а, тоже въ Новоросс. спискѣ перомогаи, серобро, берогу, смеродъ, б(ог)атыровъ, въ виду не идомъ, озоро, коновъ Мнѣ непонятно, почему Н. М. Каринскій возражаетъ противъ этого". Итакъ въ рядѣ случаевъ акад. А. А Шахматовъ читаетъ мягкое *р* именно въ виду написаній. роублов, роублова, привозоша, полононо, истоплоно, не идомъ, озоро, коновъ. Всматривалсь въ эти послѣдніе примѣры, мы замѣчаемъ, что большинство изъ нихъ (5 изъ 8) являются похожими на описки, какъ разъ по тому признаку, по которому А. А. Шахматовъ въ приведенномъ ранѣе доказательствѣ рѣшительно счелъ описками бруху, серобро, т. е. вслѣдствіе возможности здѣсь предполагать написаніе рядомъ стоящей буквы вмѣсто нужной. Мало того, въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ А. А. Шахматова предположеніе описки еще болѣе вѣроятно, чѣмъ въ словахъ „бруху" и „серобро", такъ какъ тамъ иногда

изъ памятниковъ XV вѣка, достаточнымъ для доказательства отвердѣнія *р* въ древне-псковскомъ языкѣ, акад. А. А. Шахматовъ не считалъ однако возможнымъ согласиться съ нашимъ выводомъ вслѣдствіе недовѣрія къ показаніямъ нашихъ памятниковъ, если они не согласуются съ данными современныхъ сѣверо-западныхъ говоровъ. Почтенный изслѣдователь пишетъ: „Но меня останавливаетъ отъ этого слѣдующее соображеніе: твердое *р* вмѣсто мягкаго не извѣстно въ современныхъ псковскихъ говорахъ; и больше того—прилегающія къ Псковской области бѣлорусскія мѣстности, уѣзды Витебской губерніи вообще не знаютъ отвердѣнія *р*, которое принадлежитъ преимущественно юго-западной части бѣлорусскаго нарѣчія; сошлюсь при этомъ на указанія Е. Ѳ. Карскаго (Бѣлоруссы II, 382) и на діалектологическую его карту. Рѣшимся ли мы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ псковскихъ памятниковъ, утверждать, что нѣкогда отвердѣніе *р* заходило дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ, чѣмъ теперь [1])?

имѣются *двь* и далѣе *три* буквы, сходныя съ неправильно написанной буквой, а не *одна озоро, полононо, истоплемо*. Однако отношеніе въ двухъ разныхъ доказательствахъ къ этимъ однороднымъ фактамъ совершенно различное. Въ первомъ случаѣ А. А. Шахматовъ усиливаетъ, какъ видѣли, наше замѣчаніе о *возможности* видѣть въ этихъ случаяхъ описки, причисляя ихъ къ опискамъ въ *категорической формѣ* (хотя въ той же рукописи встрѣчались надежные примѣры на отвердѣніе *р* зру, прамо). Во второмъ доказательствѣ акад. А. А. Шахматовъ опирается между прочимъ на однородные по надежности факты, даже не поднимая вопроса о *возможности* предполагать здѣсь описки, приводя иногда (Псковск. лѣтоп. Погод. Сп № 1413) исключительно эти сомнительныя данныя. Прибавимъ, что случаи въ родѣ „рублов“ могутъ объясняться при предположеніи графической аналогіи къ род. мн. отцов, вълковъ и пр., и ихъ едва ли возможно сопоставлять съ такими фактами, какъ „идомъ“.

Но разсмотримъ доказываемое акад. А. А. Шахматовымъ явленіе по существу дѣйствительно ли написанія *ро* въ „серобра“, „берога“ и пр. *„ни въ коемъ случаѣ* не указываютъ на отвердѣніе *р*“. Можетъ быть А. А Шахматовъ выбралъ лишь не достаточно убѣдительные примѣры, и въ рукописяхъ одинаково часто встрѣчаются факты въ родѣ „идомъ“, какъ и факты въ родѣ „серобра“? На это предположеніе мы должны отвѣтить отрицательно. Случаи въ родѣ „серобра“ въ псковскихъ памятникахъ нерѣдки, случаи же въ родѣ „идомъ“ прямо исключительны. Въ виду этого мы полагаемъ, что нерѣдкое написаніе *ро* вм. *ре* въ словахъ въ родѣ „берогъ“, если само по себѣ рѣшительно и не доказываетъ существованіе твердаго *р*, то несомнѣнно *можетъ* указывать на это явленіе.

Обращаясь къ Сборнику Соф. Библ. № 1262, который представляетъ особенно обрусѣвшій текстъ, въ которомъ мы отмѣтили два вполнѣ надежныхъ случая и всего до 50 случаевъ, указывающихъ на отвердѣніе *р*, мы должны признать показанія этого памятника въ интересующемъ насъ вопросѣ весьма важными.

[1]) Согласно съ этимъ проф. Б. М. Ляпуновъ пишетъ Какъ, напримѣръ, объяснить,

Не остережемся ли мы отъ такого поспѣшнаго заключенія, въ виду именно искусственнаго характера правописанія псковскихъ памятниковъ? Я рѣшительно склоняюсь къ тому, что вѣроятнѣе не придавать рѣшающаго значенія соотвѣтствующимъ показаніямъ памятниковъ и въ этомъ случаѣ“ [1]). Ниже акад. Л. А. Шахматовъ категорически называетъ отвердѣніе на письмѣ *р* искусственнымъ пріемомъ графики [2]).

Приведенное доказательство акад. А. А. Шахматова основано на весьма неточномъ представленіи о сѣверо-западныхъ русскихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ указанія на существованіе въ этихъ говорахъ отвердѣвшаго *р* и въ настоящее время.

Въ Опытѣ русской діалектологіи акад. А. И. Соболевскаго читаемъ, что въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у. отмѣчено: *хрa*сцицель (при цяперь), а въ имѣніи Гороватки того же уѣзда отмѣчено даже частое твердое *р*: прамо, грабу, звяры́, цяперъ (рядомъ: бярёза, цяперь и т. п.) [3]).

М. А. Горская въ мѣстностяхъ около Опочки Псковской губ. (въ селеніяхъ: Большія Рогатки, Малыя Рогатки, Голощапы, Сѣрово, Нефедово, Заводы, Морозово, Хлустово, Загребицы) также отмѣтила нѣсколько случаевъ твердаго *р*: Пръсвятая, мирани (=миряне), пръкрывайти (пр$^{е}_{и}$крывайте) [4]), перехрапать (=перехряпать). Въ этомъ говорѣ наблюдается аканье (бяда, пяски), сохраненіе *о* въ слогѣ послѣ ударенія, мѣна *у* и *в*, *х* вм. *ф*., цоканье и рядъ другихъ любопытныхъ особенностей, сближающихъ этотъ говоръ съ древне-псковскимъ [5]).

Довольно частое отвердѣніе *р* наблюдала и А. А. Блокъ въ говорѣ крестьянъ Гоголевской волости, Гдовскаго уѣзда. Здѣсь постоянное твердое *р* передъ *и*: прычина, прыѣду и пр. Иногда передъ

при взглядѣ Н. М. Каринскаго твердость *р* въ псковскомъ говорѣ XV в., если сосѣдніе сѣверо-восточные говоры бѣлорусскіе какъ разъ являются мягко-ерыми? (Op. cit., стр. 553).

[1]) Op. cit., стр. 149.

[2]) Ib. 150 Вопроса объ искусственномъ характерѣ псковской графики мы отчасти коснулись выше, при разсмотрѣніи случаевъ мѣны *е* (ѣ, ь) и *а* (ѧ ѩ) въ нашемъ памятникѣ. Общему вопросу о южно-славянскомъ вліяніи на древне-русскую письменность мы предполагаемъ посвятить особый очеркъ.

[3]) Стр. 74.

[4]) Ср. чередованіе *пре-* и *про* въ псковскихъ рукописяхъ.

[5]) Описаніе г-жи Горской печатается.

у и *а*: румку, грамúт. Этотъ говоръ представляетъ смѣсь акающихъ и окающихъ говоровъ и имѣетъ слабые остатки шепелявости [1]).

Прибавимъ сюда и еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій, по нашему мнѣнію, объ отвердѣніи *р*.

Акад. Шахматовъ въ статьѣ, озаглавленной „Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древне-русскіе говоры“ [2]), приводитъ отмѣченную г. Лихтерманомъ форму „жерегла“ въ выписи изъ Псковскихъ писцовыхъ книгъ второй половины XVII в. Это *жерегло* въ выпискахъ помѣщается около деревни Раскопель, села Мды. А. Я. Лихтерманъ объясняль „жерегло“, какъ русло заболоченной рѣчи. Въ „Очеркѣ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ въ 1915 г. акад. А. А. Шахматовъ на стр. 368 (подъ заголовкомъ: „Важное дополненіе“) отмѣчаетъ написанія: „отъ жерегла“, отъ „жерагла“ въ Псковской писцовой книгѣ № 355, напечатанной въ V т. Сборника Московскаго Архива министерства юстиціи (М. 1913). Въ томъ же дополненіи А. А. Шахматовъ ссылается на запись П. Д. Кузнецова у Псковскаго озера: „*жероглò*—жерло, горло, узкій проливъ: жерогло ризца, глубина на жероглѣ“ (ризецъ—вентеръ). [Далѣе отмѣчено· „жаглò—жало, остріе“. „Жагло“, по замѣчанію А. А. Шахматова въ значеніи „жало пчелы“ отмѣчено въ „Словарѣ русскаго языка“ для Псковскаго уѣзда и въ значеніи „жало змѣи“—для Лужскаго [3])].

Весною 1913 года мною была устроена экскурсія съ діалектологическою цѣлію въ мѣстности, расположенныя вблизи Чудского озера, при чемъ были изслѣдованы: Мда [Моцкій погостъ [4]), Онда [5])], Ремда, Чудская Рудница Гдовскаго уѣзда и собраны свѣдѣнія о говорѣ нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селеній [6]). То Жерегло, о ко-

---

[1]) Работа г-жи Блокъ печатается.

[2]) Русск. Фил. Вѣстн., 1913 г., № 1, стр. 6—7.

[3]) Послѣдніе факты приводятся для объясненія *г* передъ *л*. А. И. Соболевскій мнѣ сообщилъ фамилію Жагловъ (Новгород. докум. 1694 г Акты Юридич., стр. 280—281), ср. польск. *ządło*, кашеб. *żągło*, др.-ц.-сл. *жало*. Ср. соврем. фамилія Жегловъ. Ср. въ Тихвинск. у. „Жегловъ Дворъ“ (Р. Ф. В., 1909 г., № 3, стр. 288) Ср. также А. И. Соболевскій. Важныя особенности стараго псковского говора (Р. Ф. В., 1909, № 3—4, стр. 232); А. А. Шахматовъ. Очеркъ, стр. 101—102.

[4]) Изъ „*мъдьскыи погостъ“, какъ и „мда“ изъ „*мъда“.

[5]) „Онда“ изъ „мъда“ съ приставнымъ *о* (какъ въ „оржаной“), съ выпаденіемъ *ъ* и переходомъ *м* въ *н* передъ *д*.

[6]) Въ экскурсіи принимали участіе, кромѣ автора настоящей статьи, руководительница практическими занятіями по древне-церковно-славянскому и русскому языку въ Импер. женск. педагог институтѣ А. В. Пруссакъ, оставленная при ин-

торомъ говорятъ писцовыя книги и которое отмѣтилъ И. Д. Кузнецовъ, представляетъ собою въ настоящее время каналъ или узкій длинный проливъ. Такъ же, какъ и въ старину, въ этомъ Жереглѣ ловятъ рыбу и происходятъ споры о мѣстахъ рыбной ловли между сосѣдними селеніями. Рядомъ съ большимъ „Жерегломъ“ находится малое, уже почти пересохшее. Названіе это лишь въ устахъ болѣе образованныхъ людей звучитъ „Жерегло́“. Что же касается до крестьянъ, съ которыми намъ приходилось говорить, мѣстнаго коммерсанта и даже нѣкоторыхъ учительницъ, прошедшихъ среднюю школу, имѣющихъ тѣсное общеніе съ народомъ, то отъ нихъ постоянно приходилось слышать это слово въ формѣ: „Жерагло́“, какъ оно написано въ писцовой книгѣ № 355. Признавая вмѣстѣ съ акад. А. А. Шахматовымъ, что прарусская форма этого слова была „жерело“, мы должны допустить здѣсь аканье и отвердѣвшее *р* [1]). Въ говорѣ этой мѣстности твердаго *р* экскурсіей отмѣчено не было. Оно сохранилось, какъ видимъ въ спеціальномъ терминѣ. Привожу разсказъ о „Жераглѣ“ старушки изъ Мды въ приблизительной фонетической транскрипціи.

„И́сстър̥и в̥ѐкоф э́тŏ̆ Жерагло́. Ну э́тŏ̆ Жерăгло́ н̥е о́пасно̆ јŏ оно́; пъстӑја́нно в јом хот лод̥е́јныј. Нет, не ъпӑси́тел̥но д̥это̆ Жерагло. Глыбо́којŏ оно́ выцышшы̆нноjо̆, з̥е́млеј вы́ложенноjо̆ в зал̥иф-ы-шыро́којŏ оно́: сĕр̥о́ткъи лод̥ји хо́д̥а, даже вод̥а, лотк̥и дроф по сот̥н̥и сӑжен̥і̆ј на паруса́х. (бĕс парусо́ф н̥ӑл̥з̥а)... А ма́лї̆ н̥којŏ Жерагло сафсим сухојŏ-оно; ма́хон̥ко-оно ша̀ха два; эў по этых пор, ша́ха два́— боле ни́т: вы́съхшы сафсим јоно́“.

Для насъ представляетъ особый интересъ, что случаи твердаго *р* наблюдаются въ такихъ говорахъ, которые *до сихъ поръ сохраняютъ рядъ особенностей, роднящихъ ихъ съ древне-псковскими говорами.* Предлагаемъ здѣсь краткое описаніе говора селенія Мды Гдовскаго уѣзда, сопоставляя нѣкоторыя его особенности съ особенностями древне-псковскихъ говоровъ, извѣстныхъ намъ по памятникамъ XIV—XVI вв. [2]).

ститутѣ по русскому языкознанію Е. Д. Хомутова и окончившая институтъ Е. І. Шендзиковская.

[1]) Предполагать, что это слово заимствовано съ польскаго языка, мы не считаемъ возможнымъ, такъ какъ несомнѣнныхъ данныхъ въ пользу такого предположенія мы не имѣемъ, а принимая аканье и твердое *р* для древне-псковскаго языка, мы удовлетворительно объяснимъ *ра* изъ древняго *ре*.

[2]) Болѣе подробное описаніе этого говора въ связи съ другими говорами будетъ

Описаніе говора Мды (діалектологическій экскурсъ).

Гласные.

1. Отчетливое сохраненіе гласнаго *о* (происходящаго изъ древнихъ *о* или *ъ*) въ неударяемыхъ слогахъ встрѣчается въ различныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію: розбе́йте, короле́м, молода́я, топер̓, поробо́тала, духо́вной, ба́тюшко, прида́ново, ра́досной и др. под.

2. Весьма нерѣдко замѣчалось *о* изъ *е* на концѣ словъ и передъ твердыми согласными въ неударяемыхъ слогахъ: бягите̇, пихни́те, погасти́те, абмывале, здоровье, жалованье̇, какъ *жо*, пицово, ено, пехну, здоровьем, в ево, *жона́*. Въ ударяемыхъ слогахъ *о* изъ *е* наблюдалось въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ обще-русскомъ языкѣ. Въ древне-псковской письменности находимъ частое *о* вм. *е* послѣ шипящихъ въ неударяемыхъ слогахъ: полшосты керсты, жжоною, щока, под Оршои и пр. под. [1]).

3. *И* вм. *ѣ* въ ударяемыхъ слогахъ находимъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ случаевъ: у̓ пасли́, обри́зат̓, вяз̓ди́, ко мни́, ои теби́, пасли́, с оби́д̓и̓и, на том Жирагли́, нит. Случаи въ неударяемыхъ слогахъ, конечно, возможно разсматривать лишь вмѣстѣ съ переходомъ *е* въ *и* въ томъ же положеніи. Въ псковскихъ памятникахъ XV в. довольно много случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *и* [2]).

4. Не лишена интереса форма с̓ет̓ (=сядь). Другихъ примѣровъ на переходъ *я* въ *е* отмѣчено не было. Одинъ разъ отмѣчено было: вясть вм. вести. Сближать эти случаи съ нѣкоторыми примѣрами древне-псковской мѣны *е* и *а*, мы бы воздержались.

5. Переходъ *о* въ *а* въ неударяемыхъ слогахъ совершенно обыченъ въ различныхъ положеніяхъ по отношенію къ ударенію: табой, паля́к, вайну́, па ар̓міи, Ліани́ту (Леониду), кӑ фрянцу́зу, яны́ та, салаве́й, старану́, бѣ́лава, пацо́тнава, бѣ́ламу, ади́н, ста́рай, го́ря лю́тая, мане́рам. Изъ мѣны буквъ *а* и *о* въ псковскихъ памятникахъ XV в. возможно заключить, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ псковскихъ говорахъ XV в. *о* приближалось къ *а* не только въ ближайшихъ къ ударенію слогахъ, но и во второмъ слогѣ передъ и за уда-

---

опубликовано въ приготовляемой къ печати книгѣ „Къ діалектологіи Петроградской и Псковской губерній“.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 69, 82 и др.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій. „Лекціи“, стр. 35. Языкъ Пскова, стр. 68, 81, 92, 102 и др.

реніемъ [1]). Нѣкоторыя данныя представляютъ и памятники XIV в., а въ числѣ ихъ и нашъ Шестодневъ [2]).

6. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно часто въ говорѣ молодыхъ и бывалыхъ людей) находимъ гласные неполнаго образованія: гъвори́ (3 ед.), со слъбады, рибяти́шкам, цатыри̑, къралем, пъгаваривал, стала̑, эта̑ и др.

7. Неударяемое старое *е* лишь иногда сохраняется: не жалѣй, ф казенном домѣ (у того же лица сейчасъ же: в доми), аттуле, јево, слезо́ю, тре́бує, тебя и пр.

8. Въ громадномъ числѣ случаевъ записано *я* (*а*) вм. *е*: мяня́ю, ня знам, крястьяны, прибягаю, пляцам, разъяжжа́л, хлябам, гнязда́; вяду́, пясу, вярсты, ляжы, яны, дирявеи̑ски, Питярбурх, сябѣ, сляпни́; ве́цару, падал̑ша, паложаны, почаму, посади́тя, хатитя, парянь, имѣнья (им. ед.) и др. под. Случаи мѣны *е* (ѣ) и *а* (ѧ) въ псковскихъ памятникахъ въ неударяемыхъ слогахъ частію должны быть сопоставлены съ приведенными здѣсь фактами.

9. *е* (*ѣ*) весьма часто, особенно у молодыхъ, замѣняется черезъ *и* въ неударяемыхъ слогахъ: дирявéи̑скій, Лианиту, жалаиш, узнаит, пириводиш, ни однага́, биряги, пирястал, тибя, нивѣст, уци́тил̑ша, придме́т. Аналогичное явленіе необходимо предполагать и для псковскихъ памятниковъ XV в. [3]).

Какъ видимъ, переходъ *е* въ *а* или *и* не находится въ зависимости отъ мягкости или твердости послѣдующей согласной, отъ качества гласной слѣдующаго слога или отъ положенія по отношенію къ ударенію. Можно лишь указать, что въ слогахъ передъ удареніемъ *изъ двухъ неударяемыхъ е*, какъ будто, *первое* „е“ чаще давало *и*, а второе *а*: дирявеи̑скія, биряги́, Питярбурх, пирясталъ и др., хотя отмѣчались и у лицъ часто говорящихъ *я* вм. *е* факты въ родѣ: пириво́диш.

10. *У* вм. *о* рѣдко: упасли́, ку мнѣ.

11. Стяженіе гласныхъ довольно обычно: Микалавна, зо̄кном (=за окномъ), парміи (по арміи), бат̑ (=баять), спужам, ня знам и др. под.

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 147. Языкъ Пскова, стр. 151: скарачало, снаху, да дубравы, тое лѣта и пр.

[2]) См. ниже, стр. 46.

[3]) Акад А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 148. Языкъ Пскова, стр. 156 слл. Признавая аканье въ языкѣ древняго Пскова, мы должны признать и приближеніе звука *е* къ звуку *и* въ рядѣ случаевъ, даже независимо отъ сопоставленія съ описываемымъ говоромъ (ср. А. И. Соболевскій. Лекціи, стр. 78—79).

Согласные.

1. Отъ описанія гласныхъ переходимъ къ описанію согласныхъ указаніемъ на частую мѣну *у* и *в* въ началѣ слова, при чемъ *у* иногда бываетъ очень краткое, иногда неслоговое: усё, ўси́, ўсю, в яво, в меня, в нас, вмер и пр. Въ Псковской области въ XV в. это явленіе, судя по памятникамъ, было широко распространено [1]).

2. Звукъ *г* въ нашемъ говорѣ обычно взрывной; однако и *γ* встрѣчается въ порядочномъ числѣ случаевъ: а) довольно послѣдовательно въ словахъ: γоспо̆т, γасудар̆, блаγодарйт, коγда, тоγда, б) спорадически въ отдѣльныхъ словахъ въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ: Еγорья, γляди́, ничаγо; ср. также: шахоф (=шаговъ).

3. Длительное (двойное) *ш* и *ж*—полумягки или тверды: крешшоный, те́шша, пушшай, ве́шшу (=вещь), прошшай, разъяжжая, дожжык. Не невозможно предполагать, что твердые шипящіе здѣсь поздняго происхожденія; для XIV—XV вв., судя по даннымъ памятниковъ, слѣдуетъ предполагать ихъ мягкость [2]).

4. Мѣна *ц* и *ч* весьма обычна. Обычно мы находимъ *ц* (твердое) вм. *ч* и много рѣже *ч* (полумягкое) вм. *ц*: проц, Андреица, ницово, мал̆цышка, доцка, посицас, целовѣк, церес, цысавой; Спичин̆с^{ш}кій (житель Спицинской волости), Рудничи (Рудницы—названіе деревни). Въ рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалось мягкое *ц*: *цяс*. Это явленіе особенно широко отразилось въ псковскихъ памятникахъ XIV—XV вв. [3]).

5. Шепелявость *с* и *з* отмѣчалась неоднократно, при чемъ эти *с* и *з* по большей части были мягки: нош^{с}ит, по́ш^{с}ли, пуш^{с}ка́й, с^{ш}липянёцки, фс^{ш}ё, пѣс^{ш}ни, вз^{ж}ясти, хаз^{ж}яина, полиз^{ж}ат̆, з^{ж}ят̆, зд^{ж}ѣс̆, вос^{ш}мой, с^{ш}мѣю, с^{ш}евѣ, думаес^{ш}. Иногда слышалась мѣна свистящихъ съ шипящими, а не средній звукъ между *ш* и *с*, *ж* и *з*: шо́*ш*тый, гара*ж* (=гораздъ), пазалѣла. Изъ псковскихъ памятниковъ мы почерпаемъ свидѣтельство, что шепелявость была шире распространена въ XIV—XV в., чѣмъ въ настоящее время [4]).

6. Изрѣдка пришлось слышать твердые согласные вмѣсто мягкихъ: нэт, силно, з^{ж}ят, сидѣт (неопр.), собэ. Примѣровъ слишкомъ мало, чтобы возможно было рѣшиться сдѣлать какіе либо выводы.

Отвердѣніе *р*, кромѣ вышеуказаннаго „жерагло“, засвидѣтель-

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 176 и слл.

[2]) См. ниже, стр. 42.

[3]) См. ниже главу о произношеніи шипящихъ и свистящихъ.

[4]) См. ниже, стр. 42.

ствовано также: скрыпку, скрыпадку (ср. любопытные случаи мягкости *р*: сахарёк, разгоряйся, фрянцус) [1]).

7. Одна изъ участницъ экскурсіи слышала псковское *г* передъ *л*: кузму-то я привегла.

8. Изъ мелкихъ явленій въ области согласныхъ отмѣчено: байня, сёмый, *х*то, Онда (изъ Омда), ярманка; онна́, ронная; *щ*то. Любопытна мягкость согласной передъ суфф. *ьск*, а равно и мягкость *с* въ этомъ суффиксѣ: дирявейскій, Ондасскій, царскай, и др. под.

Морфологія.

1. Форма род. ед. ж. рода на *ы* вытѣснила формы на *ѣ* дат. и мѣстн. падежей: вызбы, па вады, на улицы, ф комнаты, к зимы и др. под. Изрѣдка эту форму находимъ даже въ мѣстн. муж. рода: на городы, на дварь, что показываетъ нѣкоторую потерю чутья къ роду именъ существительныхъ. Въ псковской письменности XV в. аналогичные факты нерѣдки въ склоненіи женскаго рода, при чемъ наблюдается мѣна формъ на ы и ѣ [2]).

2. Имен. мн. на *ы* и *а* въ муж. родѣ: в меня глазы јесте; фси бугра́, фси путя́.

3. Дат. вм. тв. во множ. числѣ обыченъ: с робятам, за дравам, з дѣвушкам, загадаю картам.

4. Часты нечленныя и стяженныя формы мѣстоименій и прилагательныхъ: хорбша покул спи, каку јей гастинину харошу, другу пѣснь, бальшы суды, бальшу телѣгу, которо твоё дѣло?; мила барышня и пр. под.

5. Им. ед. прил. имѣетъ окончанія: *ой, ай, ъй, ый*: дом нбвой, девятой гот, хрестбвой холоп; крёстовай карол, рбннай батюшка, сёмъй, царскый. Только разъ пришлось слышать форму на *ей*: хто такей. Ср. ту же форму въ древне-псковской письменности: котореи (Палея 1477 г.), новеи (Сб. Синод. Библ. № 154), краснеи, стареи (Погод. Сп. Псков. лѣтоп.), Опоцкей (Сб. Синод. № 154), великей (Погод. Сп. Пск. лѣт.), женскей (Палея 1494 г.) [3]).

6. Им. мн. оканчивается на *ыя, іи*: бѣлыи, фси дѣла твои пириводныи, глазы синіи и др.

7. Въ род. ед., кромѣ обычной формы на *во* и *ва* (фсёвд, сваёво,

---

[1]) Случаи отвердѣнія *р* передъ *и* (ы) нерѣдки и на сѣверѣ Россіи.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 189—190.

[3]) Іь., стр. 189. Формы им. ед. прил. на—эй обычны на югѣ Псковск. губ.: слдэй, большэй (дер. Костино Опочскаго уѣзда) и др.

бѣлаво, прида́ново, ро́днава) имѣемъ неизвѣстную въ русскихъ акающихъ говорахъ и рѣдкую въ окающихъ форму съ *г* взрывнымъ: *яга́*, ни однага̀, э́тага. Изъ окающихъ говоровъ *г* взрывное извѣстно на сѣверѣ—особенно въ Архангельской губерніи (напр., въ Пинежскомъ уѣздѣ). Въ Петроградской и Псковской губерніяхъ подобныя формы до сихъ поръ отмѣчены не были.

8. Им. ед. мѣст. 1-го лица—*ны*: ны патрудимса, ны чужыхъ, людей слушаём и др. [1]). 3-е лицо мѣст.: ён, ена, е́но, яны.

9. Любопытны слѣдующія формы мѣстоименій: *фси* дѣла, со фсих, фсим; твор. цим hоспо̂т тебя надѣлил, цым hоспо̂т надѣля́. Ср. въ псковскихъ памятникахъ XV в.: тым, самым, всих, всим.

10. Дѣепричастіе на *-вшы* и *-мшы* нерѣдко употребляется въ смыслѣ личнаго глагола: взёмшы, вляпа*фшы*, радимшы, умыфшы и др. под.

11. Весьма замѣчательны формы причастій на *л'е* (съ *л* мягкимъ), употребляющіяся для муж. и жен. рода единств. и множ. числа: я пошл̂е (говорила баба), мы поѣхал̂е́, барин уш̂ле́. Эта форма, для им. ед. муж. р., хорошо извѣстна въ сѣверно-русской письменности съ XII вѣка, ср. вѣдале Варламе (Хутынская грамота). Въ псковской письменности встрѣчается та же форма: „А какъ прочь едѧ кн҃зь великои и поима с собою новгородскы̀ боꙗръ ѕ̀ и мардоу с собою повегле на Москвоу (Псков. лѣтоп. по Погод. Списку); и велиле сими часы велико̂ кн҃зь... наезгѧти 185 об. (Тамъ же) [2]). Въ им. мн. въ псковскихъ лѣтописяхъ окончаніе—*ли*. На русской діалектологической территоріи никѣмъ форма им. ед. на *л'е* до сихъ поръ отмѣчена не была, почему возникло сомнѣніе въ ея произношеніи [3]), которое въ настоящее время слѣдуетъ считать устраненнымъ. Им. мн. на—*л'е* былъ отмѣченъ неоднократно и между прочимъ въ акающихъ-цокающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда [4]).

12. 3 л. ед. и мн. числа нерѣдко не имѣетъ конечнаго *т*: онъ спи, гуля́е, играе, буде, галава бали, уйдё, крадё, выбирае́, знаё, е (= есть); они пою, картофку коплю, повяду, во̂змя, пакро́я, вы́растя, хо́дя, зна́ю и т. п.

13. Любопытны формы 3 ед.: jе́сте, да́сте, продасте.

---

[1]) Такое употребленіе мѣстоименія *ны* распространено также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Наровѣ, напр., въ Крестоольгинскомъ приходѣ.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 87.

[3]) Акад А. А. Шахматовъ предполагалъ здѣсь твердое *л* (Русск. Филолог. Вѣстн. 1912 г. № 1, стр. 5).

[4]) Каринскій. О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда, стр. 14.

Разсматривая памятники псковской письменности XV вѣка, мы должны были предположить, что псковскіе говоры этой эпохи не представляли единства: въ рукописяхъ мы находимъ и написаніе „створитя“ и написаніе „створити“; есме и есмо; фефила и хахилевъ и др. под. [1]). Очень многое станетъ понятно въ рукописяхъ, если мы сдѣлаемъ предположеніе о смѣшанномъ характерѣ псковскихъ говоровъ уже, по крайней мѣрѣ, со 2-й половины XIV вѣка.

Описываемый говоръ даетъ прекрасную иллюстрацію къ показаніямъ древне-псковскихъ памятниковъ. Говоръ Мды и окрестностей несомнѣнно смѣшанный. Однако элементы, изъ которыхъ онъ составленъ, много разнообразнѣе, а слѣдовательно, и анализъ говора представляется весьма труднымъ. Кромѣ сѣверно-русской основы (цокающаго окающаго шепелеватаго говора, содержащаго формы: ѣхале, онога и пр.) въ соединеніи съ южными (бѣлорусскими) элементами (аканье, твердое *р*, мѣна *у* и *в* и пр.) въ нашемъ говорѣ слѣдуетъ выдѣлять болѣе позднее вліяніе сосѣднихъ велико-русскихъ говоровъ и вліяніе обще-русскаго языка. Эти послѣднія вліянія ослабили въ значительной мѣрѣ бѣлорусскія черты и придали говору еще болѣе смѣшанный характеръ. Въ *однихъ и тѣхъ же* фонетическихъ сочетаніяхъ, *въ одномъ и томъ же* положеніи по отношенію къ ударенію, иногда даже *у одного и того же* лица мы находимъ *разные* гласные въ неударяемыхъ слогахъ: миня и меня, нивест и нявѣсту, слѣбады и слабады, э́то и эта (ср. р.), хрестовой и крестов*ай* и пр. под. То же находимъ и по отношенію къ другимъ особенностямъ: ничаγо, яво и яга; с̏ебѣ и себѣ; хрестов*ой*, которой, такой и такей и др. под. Цѣлый рядъ особенностей бѣлорусскаго типа не могъ въ достаточной мѣрѣ удержаться въ говорѣ: исчезло *х* вм. *ф*. [2]), остались лишь слѣды γ, исчезла форма „есмо“ и пр.

Этимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять и исчезновеніе отвердѣвшаго *р*: лишь незначительные остатки этого явленія (жерагло) можно наблюдать въ селѣ „Мда“ и окрестностяхъ. Болѣе сохранилось случаевъ отвердѣвшаго *р* въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ Петроградской и Псковской губерній, которые, въ смѣшеніи съ сосѣдними говорами, также сохраняютъ остатки древне-псковскаго языка.

Приведенные факты современныхъ говоровъ устраняютъ единственное возраженіе противъ принятія твердаго *р* въ древне-псковскомъ

[1]) Языкъ Пскова, стр. 201.

[2]) Въ Опочскомъ у. мы встрѣчаемъ *х* вм. *ф*. кохіи (дер. Костино) и др.

языкѣ, которое опиралось на данныя діалектологіи. Они рѣшительно убѣждаютъ насъ, что въ древне-псковскихъ говорахъ на рубежѣ XIV—XV вв. (Сборникъ Соф. Библ. № 1262), а тѣмъ болѣе въ XV в., несомнѣнно было отвердѣніе *р*. Въ виду этого мы можемъ предполагать, что и соотвѣтствующіе факты псковскихъ памятниковъ XIV в., въ томъ числѣ и Шестоднева 1374 г., могутъ указывать на это явленіе.

Нѣкоторое сомнѣніе въ цѣнности матеріала, извлеченнаго изъ Шестоднева 1374 г., можетъ возникнуть отъ того обстоятельства, что почти всѣ случаи постановки твердыхъ гласныхъ послѣ *р* въ нашемъ Шестодневѣ падаютъ на текстъ второго писца, а въ этомъ текстѣ мы находимъ случаи написанія *оу* послѣ шипящихъ [1]). Однако, если мы и признаемъ сочетанія *шоу*, *щоу*, *чоу* заимствованными въ Шестодневѣ 1374 г. изъ южно-славянскаго оригинала [2]), все же эти факты не могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что написанія *роу*, *ры* вм. *ро*, *ри* являются *исключительно* графическимъ заимствованіемъ. Вѣдь сочетанія буквъ *шоу*, *жоу* мы находимъ во многихъ памятникахъ московской и новгородской письменности, напр., XV—XVI вѣка, и тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ случаевъ въ родѣ „цароу“, если только ихъ орѳографія и въ другихъ отношеніяхъ не носитъ на себѣ яркихъ слѣдовъ вліянія южно-славянскихъ образцовъ. Не имѣемъ мы случаевъ въ родѣ „цароу“ и въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII—XIII вв., въ которыхъ находимъ *оу* послѣ шипящихъ (см. напр., въ Словѣ Ипполита объ антихристѣ: чоудынъ 22 об.; одежоу 12, 14 об. и др.). Мы не отрицаемъ возможности перенесенія хотя бы нѣкоторыхъ отмѣченныхъ нами въ Шестодневѣ 1374 г. случаевъ съ твердымъ *р* изъ южно-слав. оригинала, но самое это перенесеніе и сохраненіе при цѣломъ рядѣ переписокъ разсматриваемой особенности какъ въ нашемъ Шестодневѣ, такъ и въ другихъ псковскихъ текстахъ XIV в., свидѣтельствуютъ о соотвѣтствующей особенности въ говорѣ псковскихъ переписчиковъ.

Однако наличность случаевъ въ родѣ „цароу“ почти исключительно въ текстѣ *одного* писца Шестоднева 1374 и незначительное количество случаевъ такого рода вообще въ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка, заставляютъ насъ предполагать, что во всякомъ случаѣ разсматриваемое явленіе въ Псковской области до конца XIV в. не

---

[1]) См. ниже въ главѣ „О произношеніи свистящихъ и шипящихъ“, стр. 42.

[2]) Это представляется намъ вѣроятнымъ.

могло быть яркимъ: можетъ быть, оно распространялось въ эту эпоху не на всей Псковской территоріи, можетъ быть, и звукъ *р* къ тому же отвердѣлъ еще не вполнѣ. Иначе рѣзкое отличіе въ этомъ отношеніи памятниковъ XIV в. отъ памятниковъ XV в. намъ представляется совершенно непонятнымъ.

О произношеніи свистящихъ и шипящихъ.

Мѣна *ц* и *ч* нами отмѣчена въ 144 случаяхъ. Писецъ видимо не различалъ звуковъ *ц* и *ч*, и буквы *ц* и *ч* служили ему для изображенія одного мягкаго звука, можетъ быть ч҃ [1]).

ц вм. *ч*: мълцаше 1; въчл҃вцитисѧ 9 об.; ѿлуцьшасѧ 9 об.; сн҃ъ чл҃вць 23; концину 25; руцко 33; концаєть сѧ 70 об.; пр҃тца 38 об.; чл҃колюбце (зв.) 72 и мн. др.

ч вм. *ц*: съ ѿчмь 20; моуроносичамъ 40; ѿричаюсѧ 41; конча земнъ-ꙗ 42; прочвѣте 44; первенечь (сущ.) 44 об.; творча 59 об.; мьздоимча 96; пропокѣдничи (сущ.) 85 об.; попечисѧ (повел.) 71 и мн. др.

Полное соотвѣтствіе этому находимъ и въ другихъ памятникахъ древне-псковской письменности [2]).

Случаевъ мѣны *ж* и *з*, *ш* и *с* нами отмѣчено 163. Принимая во вниманіе, что рукопись наша содержитъ всего 117 листовъ небольшого формата, писанныхъ при томъ далеко не мелкимъ почеркомъ, слѣдуетъ признать это количество случаевъ мѣны весьма значительнымъ.

ж вм. з: кожни 5 об., 7; ждѣ 14 об.; съжижеть 117; прожабающаꙗ 17 об.; вжѧтъ бы҃ 25 об.; жизителѧ 38; слежѧщи 107; оужникомъ 9; ижидете (пов.) 61 и мн. др.

з вм. ж: прилезно 53 об.; 58; 84; 85 и др.; комуздо 101; подвизна 117; зижни 65; позретъ 63 и др.

ш вм. с: прошаще 101; оупашенъ-ꙗмъ 6 об.; ѥвга свободиша 43; низложиша (= низложисѧ) адъ 43; искусилъ нъ-ꙗ ѥши 51 об.; проша 81 об.; прекрашно 82; принешите 101; муроношичамъ 103 об.; въ вѣшъ миръ 106 об.; тъ-ꙗшащами 80 и мн. др.

---

[1]) Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что точное опредѣленіе во всѣхъ случаяхъ произношенія *ц* и *ч* затруднительно Дѣло въ томъ, что, если въ *большинствѣ случаевъ ц* и *ч* совпадали въ говорѣ нашего писца въ одномъ звукѣ, писецъ этотъ не могъ различать значенія буквъ *ц* и *ч*, при этомъ результатъ получился бы одинъ, совпали ли *ц* и *ч* въ его говорѣ въ звукѣ мягкомъ *ц'* (или *ч'*) или ц҃. (Ср. выше— Описаніе говора „Мды").

[2]) Проф А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 120, 123, 125, 128, 132 и др.— Языкъ Пскова, стр 178.

ѕ вм. ш: ѕагрѣшихомѣ 36; ѕагрѣшьсѧмъ 43 об.; барѧѕи 43 об.; 49; басилѣ 53; припадаѕи 62; оуспѣсно 104 об.; оуспрашитьѕѧ 117 об. и мн. др.

Писецъ нашей рукописи, какъ и многіе другіе писцы псковскихъ рукописей [1]), повидимому, не отличалъ ж отъ ꙁ и ш отъ ѕ. Кромѣ большого количества случаевъ указанной мѣны, объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе какой бы то ни было закономѣрности въ постановкѣ *ꙁ* и *ж*, *ш* и *ѕ*. При постановкѣ *ж* или *ꙁ*, *ш* или *ѕ* писецъ нашей рукописи совершенно не считался съ традиціонною ороографіей, вслѣдствіе чего въ рукописи мы находимъ такія написанія: жизнителю 64; зижди 65; жизеть 113 об.; ѕкиѕаѕ 10 об. (= ѕкишаѕѧ); ѕнелиѕѧшѣ (= ѕнелижшеѕѧ) 67 об. и др. под. У писца лишь было нѣкоторое тяготѣніе къ буквѣ *ж*, вслѣдствіе чего *ꙁ* онъ весьма часто замѣнялъ черезъ *ж*, обратная же замѣна происходила значительно рѣже.

Въ виду указанныхъ фактовъ, а также приведенныхъ выше діалектическихъ данныхъ, возможно предположить, что буквы ж и ꙁ изображали одинъ звукъ, какъ и буквами ш и ѕ обозначался также одинъ звукъ.

Звукъ, изображаемый на письмѣ буквами ж и ꙁ, былъ, нужно думать, мягкимъ ж съ свистящимъ оттѣнкомъ или шепелявымъ мягкимъ ꙁ (ж^{ꙁ}); звукъ, изображаемый нашимъ писцомъ посредствомъ буквъ ш и ѕ, долженъ былъ звучать, какъ шепелявое мягкое ѕ, или ш съ свистящимъ оттѣнкомъ (ш^{ѕ}) [2]).

Не невозможно предположить, что свистящіе-шипящіе въ говорахъ нашихъ писцовъ были мягки. Особенно это касается звука ж. Объ этомъ свидѣтельствуетъ: 1) Довольно послѣдовательная постановка ю послѣ шипящихъ и ц: оубрачюсѣ 5 об.; чюдеси 20; книжю 21; трепѣщютъ 35 об., 36; заступницю 39; очю 100 (если и находимъ: створьшоу 71; стѣкшоу 64; рожьшоу 60; пла(чо)ущоуѧ 61; идоущоу, льгчащоуѧ 71 об.; трьпѣщоущи 71 об.; чѣкчоу 65; повѣжающоу 60 об., то эти случаи принадлежатъ лишь тексту 2-го писца п, можетъ быть, объясняются вліяніемъ оригинала, такъ какъ у того же 2-го писца находимъ нерѣдко и *ю:* скѣкю 63; трепѣкютъ 35 об.; книжю 67 и даже

---

[1]) Акад. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 149 и въ описаніяхъ памятниковъ.— Языкъ Пскова, стр. 178.

[2]) Шепелявость въ говорахъ Псковской и Петроградской губерній отмѣчалась неоднократно. См. проф. А. И. Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, стр. 30, акад. А. А. Шахматовъ, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, стр. 328. Ср. вышеприведенные факты изъ описаній говора „Мды", говора Гоголевской волости, говора Опочскаго уѣзда.

ѧ: ражѧщю 43); 2) постановка въ небольшомъ числѣ случаевъ ѧ послѣ буквы ж: ражѧщю 43; оужѧсошасѧ 40; прожѧбло 29 об.; кнѧжѧ 41 об.; 52 об.; прожѧбе 64 об.; слѣѧще 76 об.; 107; пружѧюсѧ 4 об. и др.; ср. также: побѣдотворцѧ 67 об. [1]).

Послѣ ш, ч, ц, щ вполнѣ послѣдовательно, правда, стоитъ а, какъ оно стоитъ, по большей части, и послѣ ж. Однако мы не считаемъ возможнымъ придавать этому факту звукового значенія: а послѣ шипящихъ и ц вообще является обычнымъ орѳографическимъ правиломъ древне-русскихъ писцовъ. Наоборотъ, мы имѣемъ основаніе предполагать здѣсь чисто ороографическую особенность. Нашъ писецъ *вполнѣ* послѣдовательно пишетъ послѣ с (въ сочетаніи сѧ) ѧ, а послѣ ш (въ сочетаніи ша)—а. Между тѣмъ мѣна сочетаній ша и сѧ происходитъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ или частяхъ словъ, почему не можетъ быть и вопроса о различномъ произношеніи этихъ сочетаній: ср. ꙗвисѧша (= ꙗвишасѧ) 10 об., свободиша (= свободисѧ) 43, положиша (= положисѧ) 55 об. и вздружисѧ (3 ед. стр. зал.) 63; или: раздрушисѧ (3 л. мн. дѣйств. зал.) 30 и наоучиша (3 л. мн. дѣйств. зал.) 42 и др. под.

Не могутъ быть признаны противорѣчащими нашему заключенію о мягкости шипящихъ-свистящихъ и написанія нашей рукописи: ѿвьржълъ 32; възгрѣмѣ 31 об.; подвижашасѧ 63, оудѣша 105, въ которыхъ, повидимому, твердыя з и с замѣнены черезъ ж и ш. Дѣлать какой либо выводъ о произношеніи этихъ з и с мы считали бы неосторожнымъ. Хотя писецъ вообще смотрѣлъ на буквы з и ж, какъ на два знака, имѣющіе одно значеніе ж҃з, и на ш и с—какъ на знаки для ш҃с, однако, если даже и сохранялись въ его выговорѣ твердые *з* и *с*, онъ ихъ могъ изображать (конечно, весьма неточно) лишь тѣми же буквами *з* и *ж*, *ш* и *с*. Любопытно все же сравнить съ такими фактами, какъ възгрѣмѣ, оудеша, вышеприведенныя при описаніи говора Мды произношенія: полиз҃ат҃, пазалѣла, гараж (=гораздъ) [2]).

Приближеніемъ звука ж къ звуку з, кажется, можно объяснить написанія: невѣжьтвии 68; божьтвьною 37; божьтва 39 об.; множьтво 40 об.; мужькъ-ꙗ 48 и др. [3]). Обще-русское „божьство“ нашъ писецъ долженъ былъ произносить бож҃з ш҃с тво, при чемъ ж҃з отличалось отъ слѣдующаго ш҃с только звучностью. Отсюда черезъ ассимиляцію воз-

---

[1]) См. акад. А. А. Шахматовъ, „Нѣсколько замѣтокъ“, стр. 110.

[2]) См. выше, стр. 36.

[3]) Въ виду многочисленности случаевъ считаю невозможнымъ объяснять ихъ опиской (пропускомъ с подъ титломъ или буквы с въ строкѣ).

можны двѣ формы „бож҃ство, или „бош҃ство“, первоначально, по крайней мѣрѣ, съ длительнымъ ж҃ (или ш). При наличности въ оригиналѣ формы „божьство“ нашъ писецъ не только первую форму, но и вторую могъ передать при списываніи черезъ „божьтво“. Сходно можно объяснить и написаніе всѧчкаꙗ 50 об. [1]).

Мы уже видѣли, что звукъ, изображаемый нашимъ писцомъ черезъ щ, вѣроятно, былъ мягкимъ. Есть основаніе догадываться о характерѣ этого звука. Такъ какъ древне-русское *щ* звучало, повидимому, по большей части, какъ ш҃ч҃, иногда же какъ длительное мягкое *ш*, то, принимая во вниманіе, что писецъ нашей рукописи *ш* мягкое произносилъ шепеляво какъ *ш*ʹ, а ч҃, какъ ч҃ᵘ, мы теоретически уже можемъ предположить, что *щ* въ его говорѣ звучало или какъ ш҃ᶜч҃ᵘ или какъ ш҃ʹш҃ʹ. Это предположеніе подтверждается замѣною въ нашей рукописи шц черезъ щ: створи дѣржавꙋ мꙑщею своѥю л. 44 об. (ср. Шестодневъ Синод. Библ. № 707: створи державоу мꙑшцею своею л. 19 об.). Въ приведенномъ словѣ сочетаніе *шц* звучало въ говорѣ писца, какъ ш҃ʹц҃ᵘ или послѣ ассимиляціи—ш҃ʹш҃ʹ. Въ обоихъ случаяхъ оно могло совпадать съ вышеуказаннымъ произношеніемъ въ Псковѣ обще-русскаго *щ*, почему и оказалось возможнымъ написаніе „мꙑщею“. Не слѣдуетъ-ли сюда же отнести и написаніе ищертога л. 17? [2]).

Предыдущее разсужденіе о произношеніи шипящихъ-свистящихъ допускаетъ сдѣлать догадку, что въ говорѣ писцовъ нашей рукописи (особенно 2-го писца) *щ*, *шц*, *сц*, *сч* совпали въ звукѣ ш҃ᶜш҃ᶜ [4]) или сочетаніи ш҃ᶜц҃ᵘ (напр., въ словахъ: щьдротъ 3 об., ищьртога 17, скоропишца 89 об., мыщею 47 об. и др.). Отъ совпаденія звуковъ ш҃ и с҃, з҃ и ж҃, ц҃ и ч҃ и сейчасъ приведенныхъ сочетаній говоръ писцовъ нашей рукописи, какъ и говоръ нѣкоторыхъ другихъ писцовъ псковскихъ рукописей XIV—XV в., долженъ былъ имѣть своеобразную окраску вслѣдствіе обилія шепелявыхъ звуковъ.

Нѣкоторые остатки такого рода шепелявости мы находимъ въ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ предполагать произношеніе „вс҃ᵘачᵘкаꙗ“ или „вс҃ᵘач҃ᵘс҃ᵘкаꙗ, послѣднее—съ слабо выраженнымъ с҃ᵘ.

[2]) Ср. ищелѣдомъ Сборн. Соф. Библ № 1262, л. 7 об. Впрочемъ эти факты можно объяснять и иначе, см. акад А. И. Соболевскій, Лингвистическія и археологическія наблюденія, вып. II, стр. 46.

[3]) О древне-русскомъ произношеніи *щ* см. проф. А. И. Соболевскій, Лекціи [4], стр. 136.

[4]) *жс* также могло звучать. какъ ш҃ᶜшᶜ или даже ш҃ᶜ (множтво и пр.).

современныхъ говорахъ Псковской губерніи. Напр., въ говорѣ крестьянъ Гайки и Костино Воронецкой волости Опочецкаго уѣзда мною отмѣчено между прочимъ: јéс", ѣ̂з̂ʼз̂ʼю, пѣ̂с"ня, кос"с"а (=косца), даже: Кос"с"ино (= Костино, *названіе деревни*); твердыя *с* и *з* здѣсь не шепелявы: покос, зарас, заец и пр. [1]). Любопытно наблюденіе И. И. Замотина въ Новоторжскомъ у.: сци (= щи), сцитина (= щетина) [2]).

Совпаденіе ѣ и е въ одномъ звукѣ е.

Мѣна ѣ и е настолько обычна въ рукописи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію совпаденіе звуковъ *е* и *ъ* въ одномъ звукѣ, конечно, въ звукѣ *е*. Буквы ѣ и е мѣняются въ нашемъ памятникѣ въ различныхъ фонетическихъ условіяхъ.

На концѣ словъ подъ ударе̂ніемъ и въ неударяемыхъ слогахъ: ксѣ (ед. ч. ср. р.) 2; хр̂тѣ (зв.) 3 об.; принесѣ (аор.) 7 об. и др.; ѣ̂ (зв.) 6; оставистѣ 6 об.; долготърпѣливѣ (зв.) 11, 11 об.; цѣкѣтѣ (зв.) 27 об.; снидѣ (аор.) 39 об.; градѣ, покровѣ (зв.) 59 об.; по рожѣтве 54 об.; къ сѣкѣте 7, 31 об.; къ гроде 34 об., 40 и др. под.

Передъ твердыми согласными: къ зѣлѣ 6; огнѣмь 7; трѣхъ 9 об.; рѣбра 99 об.; словѣсного 31 об., одѣяню 38; всѣмогаи 3 об.; шклевѣтанте 5; всѣму миро̂у 9, 11 об.; всѣгда 49; оуказѣно 87 об. и др. под.; невесту 37 об. тело 39 об.; ѿ века 55 об. вѣчнѣкаемъ 57 об.; крепостию 22; прибегающе 8 об., 33 об. и др. под.

Передъ мягкими согласными; чрѣтикомъ 8; вѣрѣю 10 об.; курѣю 15: погрѣбени 10 об.; прадѣдьникъ 13 об.; весемѣни 14 об.; възкѣсели 51 об.; словѣси 54 об.; телѣсьхъ 13; 13 об.; нераздѣлно 16 об.; не смею 85; съгрѣшихъ 46 и др. под. [3]).

Въ современныхъ говорахъ, сохраняющихъ особенности древнепсковскія, въ большинствѣ случаевъ *ъ* совпало съ *е* и лишь въ немногихъ случаяхъ наблюдалось *и* вм. *ъ* [4]).

---

[1]) Описаніе этого говора будетъ опубликовано вмѣстѣ съ описаніями другихъ говоровъ Псковской и Петроградской губ.

[2]) Акад. А. А. Шахматовъ. Очеркъ, стр. 328.

[3]) Совершенно иной типъ замѣны *ъ* черезъ *е* и обратно наблюдаемъ въ московскихъ памятникахъ. Л. Л. Васильевъ, Къ исторіи звука *ъ* въ московскомъ говорѣ XIV—XVI вв. Изв. 1905, № 2.

[4]) Въ Шестодневѣ 1374 г *и* вм. *ъ* не отмѣчено. Въ другихъ псковскихъ памятникахъ это явленіе рѣдко. Проф. А. И. Соболевскій, Лекціи[4], стр. 35, Языкъ Пскова, стр. 172. Ср. выше, стр. 34.

Аканье.

Яркихъ примѣровъ, которые бы свидѣтельствовали о приближеніи *о* къ *а* въ неударяемыхъ слогахъ, Шестодневъ 1374 г. не дастъ. Однако *нѣкоторыя* указанія на это явленіе мы несомнѣнно получаемъ изъ слѣдующихъ фактовъ:

образозкати не имѣюще мѫдрѣемоа твоа конѣьства 61; единасѫщна и сильна 79; единасѫщнам 92 (ср. выше: єдиносѫщнам); праѣлкимх 65 об.; арѫгли херовимх страшна ѫкалу вьскликають 92 об. (ср. лица закрыкають страшно херовимх и серафимх 101); ср. также: глаголоклимѫи 3 об. и слоѣословимх 29 об.

Въ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV в. находимъ небольшое количество аналогичныхъ случаевъ [1]). Въ памятникахъ XV в. аканье отразилось ярко [2]).

Въ современныхъ говорахъ Псковской и юго-западной части Петроградской губерніи, гдѣ сохраняется шепелявость, находимъ элементы сильнаго аканья, см. между прочимъ вышеописанный говоръ Мды.

Рефлексы древнихъ ъ и ь [3]).

Вмѣсто ѫ передъ j находимъ ѫ въ: мѫше 41 [4]), при наличности ѫ въ: омѫи 89 об. Въ виду того, что въ нашемъ памятникѣ иногда въ качествѣ описокъ встрѣчается ѫ вм. ѫ [5]), мы воздержимся отъ какого либо заключенія. Частое ѫ вм. ѫ въ указанномъ положеніи въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ памятникахъ, на которыхъ ярко отразились черты псковскаго говора, гораздо болѣе показательно [6]): оно

---

[1]) Проф. А. И. Соболевскій. Очерки, стр. 147.

[2]) Языкъ Пскова, стр. 150—152.

[3]) Орѳографическая мѣна ъ и ь съ *о* и *е*, указанная выше въ главѣ „Очеркъ палеографическихъ особенностей памятника", свидѣтельствуетъ о полномъ исчезновеніи ъ и ь въ псковскомъ произношеніи. Не разбирая этого вопроса, здѣсь мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ судьбы ъ и ь въ говорѣ нашихъ писцовъ.

[4]) Случай покрѫи | 33—сомнительный. здѣсь мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ лигатурою ѫ и н, возможною на концѣ строки.

[5]) См. выше, стр 8.

[6]) См. Языкъ Пскова, напр. стр. 135. Акад. А. А. Шахматовъ въ цитованномъ выше сочиненіи „Нѣсколько замѣтокъ" (стр. 107), по поводу нашего замѣчанія: „Случай съ ѫ вм. *о* (=ъ) въ помѫна едва ли не болгаризмъ" (Языкъ Пскова, стр. 116) говоритъ: „Авторъ упустилъ изъ вниманія, что мѫю, помѫю, было и древне-русскою формой; ср. совр. малор. мию, бѣлор. мѫю". Авторъ сочиненія „Языкъ Пскова" не только не упустилъ изъ вниманія, что въ древне-русскихъ говорахъ была форма

свидѣтельствуетъ, что уже на рубежѣ XIV и XV вв. въ псковскихъ говорахъ несомнѣнно встрѣчалось здѣсь *о*.

Для вопроса о произношеніи слова «вьсь“ (им. ед.) нашъ памятникъ даетъ матеріалъ, сходный съ извлеченнымъ нами изъ псковскихъ памятниковъ XV в.:

вскъ (*безъ титла*) 15, 24 (2 р.), 36 об., 64, 67 об., 73 об.; 94 об. и др.; одинъ разъ замѣчаемъ *е* вм. перваго ъ: вх вкѣшь миръ 106 об. Форму вскъ, вѣроятно, произносили съ *е* на концѣ, ср. страшнаго дне 84 об., гдѣ ъ несомнѣнно обозначаетъ *е*. Форма „весь“ возникла, нужно думать, подъ вліяніемъ аналогіи. Въ Погод. Спискѣ Пск. лѣтоп. находимъ три формы: всь, весь, все.

Мелкія явленія въ области гласныхъ.

Форма „рькоумя“ 14 сближаетъ нашъ памятникъ съ другими псковскими памятниками, въ которыхъ весьма часто въ этомъ глаголѣ находимъ ь (или отсутствіе звука) вм. е [1]), отмѣченнаго во многихъ русскихъ рукописяхъ и рукописяхъ церковно-славянскихъ (проф. Б. М. Ляпуновъ, op. cit., стр. 538—540).

Не безынтересно отпаденіе ѧ въ сѣрпшнь (= сѣрѧшнѧ) (*запись*). Аналогичный фактъ встрѣчается въ Прологѣ 1383 г. того же лѣ взмшь тотари маскву (*запись*). Эти факты являются любопытной параллелью къ соотвѣтствующей формѣ Слова о полку Игоря: и рассушясь стрѣлами по полю (изд. 1880 г., стр. 10).

Отмѣтимъ передачу греч. υ: кюпаригѣ 47; моуроносича 50; муроносица 50 об.; моуроносича(мѧ) 40, 56; муроношичамѧ 103 об.; моурогисцами 40; моуро 40; ѿ какоулонѣ 113 об.

мѣю, но онъ, собирая спеціальный матеріалъ по вышеуказанному вопросу, знаетъ, что въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятникахъ. уже съ XI в, чередуются написанія съ ѣ и ъ. Авторъ знаетъ также, что въ современныхъ псковскихъ говорахъ находимъ въ этомъ случаѣ *о* (изъ ъ). Авторъ освѣдомленъ и о томъ, что въ нѣкоторыхъ древне-псковскихъ памятникахъ, отражающихъ ярко діалектическія черты, очень часто находимъ мѣю, крѣю и пр. (см. Сборникъ Соф. Биб. № 1262. Языкъ Пскова, стр. 135). Именно въ виду этихъ фактовъ авторъ сочиненія „Языкъ Пскова“ не рѣшился относить случай съ ѣ вм. ъ на счетъ говора русскаго книжника, заявивъ: „Случай съ ѣ вм. ъ въ помѣни 36 едва ли не болгаризмъ“. Но и здѣсь авторъ выразился осторожно, предполагая все же возможность для нѣкоторыхъ древне-псковскихъ говоровъ произношеніе съ ѣ, а также зная о широкомъ распространеніи ѣ въ указанныхъ случаяхъ вообще въ древне-русскомъ языкѣ.

[1]) Языкъ Пскова, стр. 169.

Сѣверное жг.

Сѣверное жг въ соотвѣтствіи др.-ц. сл. жд отмѣчено неоднократно: пригвожена 5 об.; дожгѧ 54; дожгь 64 об.; пригвожгенъ 109; пригвожг|нъ— 110. Опредѣлить точное произношеніе сочетанія жг весьма затруднительно. Во всякомъ случаѣ *г* здѣсь рѣзко отличалось отъ j (или неслогового *и*) въ *я*, ѣхать, югъ, льетъ и пр. под.

Мелкія явленія въ области согласныхъ.

Опущеніе согласныхъ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: възратисѧ 43; възрати 97 об. Явленіе это широко распространено въ древнерусской письменности, напр., оно обычно въ Лаврентьевской лѣтописи; оно часто и въ псковской письменности XV в. [1]).

Есть указанія на значительную мягкость согласнаго; въземь|лю 14 [2]); икрⷭ҇мьле 29.

Ни мѣны *у* и *в* ни мѣны *х* и *ф* нами въ Шестодневѣ отмѣчено не было.

МОРФОЛОГІЯ.

Въ морфологіи писцы нашей рукописи въ цѣломъ рядѣ случаевъ также проявили особенности своего говора.

Весьма любопытна форма: въ пѣниѩхъ 20 об., можетъ быть, указывающая, что и въ Псковской области было измѣненіе окончаній дат.-твор.-мѣст. мн. ч. отъ основъ на *ъ*, *ь*, *о*, *е* и *согл.* по аналогіи съ основами на *а* [3]). Ср. въ Сборн. Соф. Библ. № 1262: въ еуⷭ҇алиѧхъ 30 об. 1. [4]).

Не лишено интереса и употребленіе им. ед. вмѣсто вин. ж. р. при личномъ глаголѣ: бж҃твеною мѧ ризою покрьи | твоѩ мⷭ҇ть чⷭ҇таѩ посли 33.

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 188.

[2]) Во многихъ памятникахъ *ь* является знакомъ мягкости. Въ тѣхъ рукописяхъ, въ которыхъ существуетъ правило оканчивать строку гласной или глухимъ, выборъ *ъ* или *ь* на концѣ строки нерѣдко ставится въ зависимость отъ качества (мягкости или твердости) предыдущаго согласнаго. Это и даетъ возможность опредѣлять мягкость и твердость согласныхъ. (См. Н. Каринскій, Погодинскій Апостолъ 1391 г. Р. Ф. В. 1896, т. 36, стр. 186). Ср. также нѣкоторые случаи смѣшенія *ъ* и *ь* въ нашей рукописи (стр. 18), а равно написанія *ерь* (стр. 17).

[3]) Въ древнѣйшихъ псковскихъ памятникахъ форма эта не была отмѣчена. А. И. Соболевскій. Лекціи[4], стр. 177. См. его же Очерки.

[4]) Впрочемъ при наличности мѣны ѥ и ꙗ(ѧ) и возможности формы „ѥуангелиѥхъ“ (изъ старой ѥуангелиихъ) приводимые факты не вполнѣ доказательны.

Акад. А. А. Шахматовъ полагаетъ [1]), что замѣна вин. именительнымъ обычна въ древне-русскомъ яз., если вин. падежъ отдѣленъ отъ глагола другимъ, не прямымъ дополненіемъ. Но онъ отрицаетъ возможность объяснять, какъ русскія явленія, формы въ родѣ: „обрете роса“, а въ особенности „въ ширена“ въ Палеѣ 1494 г., имѣя въ виду яркіе болгаризмы въ этомъ памятникѣ. Шестодневъ 1374 г. не содержитъ, какъ мы видѣли, яркихъ болгаризмовъ, почему и разсматриваемую форму въ немъ не невозможно принять за русскую. Кромѣ приведенныхъ въ сочиненіи „Языкъ Пскова“ фактовъ [2]), прибавлю любопытный примѣръ, отмѣченный въ пѣснѣ, которая была записана на берегу Псковскаго озера, гдѣ до сихъ поръ сохраняются остатки стараго псковскаго говора: А мяня маладух*а* съ сабой повяли. Montmitonnet. Spéciment du parler russe de Lioubovka-Kolpino (district de Pskov) [3]).

Формы звательнаго падежа въ нашемъ памятникѣ выдержаны довольно хорошо:

высото 7 об.; невѣсто 8 об., 20; горо 26; бл҃дко 41 об. и мн. др.; свѣще неоугасимаѧ 8 об.; бл҃чцѣ 8, 8 об. и др.

пр҃толѣ 8 об.; творце 11, 77; цвѣтѣ 27 об.; градѣ и покровѣ 59 об.; храме 33; пр҃це 80; Петре 94 и др.

сн҃у мои 21

долготьрпѣливѣ 11 об.; едине многомилостивѣ 40 об.; оч҃ь пр҃бнѣ 53 об.; едине мл҃твѣ 99, 99 об.; живодавче щедре 105; Петрѣ бл҃жне 94 и др. под. Въ женскомъ родѣ зват. пад. прил. замѣняется именительнымъ.

Въ именахъ существительныхъ случаи употребленія имен. вм. зват. встрѣчаются обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда эта форма является приложеніемъ къ формѣ зват. пад.: слава тобѣ х҃е апл҃мъ похвала 24, Бц҃е всѣхъ цр҃це правовѣрнымъ похвала 8.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти формы зват. пад. находились и въ южно-славянскомъ оригиналѣ, къ которому восходитъ наша рукопись. Однако столь точное слѣдованіе оригиналу въ данномъ случаѣ, при уклоненіяхъ отъ него въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ [4]), весьма знаменательно. Въ другихъ псковскихъ памятникахъ мы также находимъ факты, подтверждающіе вѣроятность пред-

---

[1]) „Нѣсколько замѣтокъ“ etc, стр. 145.

[2]) Стр. 190.

[3]) Mémoires de la société de linguistique de Paris, t. XIII. Paris, 1905, p. 268.

[4]) См. ниже, стр. 60, характерное вытѣсненіе формой „всемогаи“ формы „всемогъ-ии“.

положенія о томъ, что формы звательнаго падежа, по крайней мѣрѣ, въ остаткахъ сохранялись въ живомъ говорѣ псковичей XIV в. [1]). Широкое распространеніе формъ звательнаго падежа въ бѣлорусскихъ говорахъ, въ виду вѣроятнаго вліянія бѣлорусскаго нарѣчія на древне-псковское также не лишено значенія.

Впрочемъ и въ великорусскихъ говорахъ, по авторитетному мнѣнію проф. А. И. Соболевскаго, древнія формы отъ нѣкоторыхъ словъ въ XIV в. были еще въ полномъ употребленіи [2]). Если средне-русскіе и сѣверно-русскіе памятники приводятъ А. И. Соболевскаго къ такому выводу, то матеріалъ псковскихъ памятниковъ допускаетъ говорить объ этомъ еще болѣе рѣшительно.

Нѣкоторые падежи двойственнаго числа, повидимому, уже были мало извѣстны псковскимъ писцамъ XIV в., и они старались осмыслить формы двойств. числа своихъ оригиналовъ: роукою своею дело 53 об. [3]).

Въ двухъ случаяхъ мы имѣемъ указанія на смѣшеніе твор. и вин. ед. сущ. и прил. ж. рода: тмоу бо и льсть разрушисте вѣроую 72—72 об.; глубину грѣховною 88. Каждый новый памятникъ псковской письменности съ подобными фактами, особенно не содержащій яркаго южно-славянскаго вліянія, заставляетъ насъ съ осторожностью относиться къ гипотезѣ, объясняющей мѣну *оу* и *о* въ твор. и вин. ж. р. *исключительно* юго-славянскимъ вліяніемъ [4]).

Случаи род. ед. и вин. мн. мягк. склоненія ѥ (ѣ) вм. церковнослав. ѧ въ существ., прил. и мѣстоименіяхъ не многочисленны: ѿ сѣти вражиѥ 30, ѿ дв҃цѣ 32 об., обрати ѥ (*в. мн.*) въ покаяниѥ 57 и др. Эти формы могутъ объясняться и псковскою замѣною ѧ (ꙗ) черезъ е, особенно если предполагать совпаденіе *е* и *а* (послѣ смягченной согласной) въ одномъ звукѣ.

Формы нечленныхъ прилагательныхъ весьма часты: великомъ даромъ 20 об.; недостоинъмъ 41 об. (дат. мн.); оумиленномъ гл҃мь 78 об.; напа-

---

[1]) Языкъ Пскова. стр. 189.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій. Лекціи [4], стр. 191.

[3]) Случай двую разбойнику 71 об., повидимому, объясняется тѣмъ, что форма *дву* писцу не была извѣстна, но ему была извѣстна форма *двою*, до сихъ поръ сохраняющаяся въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ; предположивъ въ оригиналѣ описку, пропускъ *ю*, писецъ поставилъ *ю*, но *у* на *о* не подправилъ. Менѣе вѣроятно предполагать контаминацію изъ формъ *дву* и *двою*.

[4]) Не нужно забывать, что въ памятникахъ сильно обрусѣвшихъ въ отношеніи языка особенно стойко сохраняются тѣ черты болгарскихъ оригиналовъ, которыя имѣютъ соотвѣтствіе въ говорѣ русскихъ переписчиковъ.

стьнами болезньми 84 об.; напастьнами стрѣлами 84 об.; оумиленомь гл҃мь 85; бѣтьнами зарѧми 86 об.; неизрѣченьна престола 86 об.; огнь вечна и люта ѡ҃кта 86; тмы многы 85 об.; трьбѣтлами зарѧми 89; прѣногами сн цѣдротами 90; напастьми многами 92 об.; оумиленомь гл҃мь 92 об.; грѣховнами стрѣлами 93 об.; прѣтнами мѧтвами 94 об.; кѣнча нѣтлѣньна 96 об.; лѣстьми кражьми 104; глаголѣми житиськами 105; влч҃нмь (стр҃тмь) 106 об.; жикотноу сладость 107 об.; козьми кражьми 107 об.; очьмь покрьстомь 110 об.; стр҃тмь хр҃кмь 111; недостоинами оустнами 65 об.; разѣмесьномь сѣкыоуплениемь 65 об. и др.

Формы эти, конечно, находились и въ древне-болгарскомъ оригиналѣ, къ которому восходитъ наша рукопись. Однако весьма любопытно сохраненіе въ такомъ большомъ количествѣ этихъ формъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время въ сѣверно-русскихъ говорахъ мы находимъ большое количество соотвѣтствующихъ формъ (преимущ. имен. ед.), которыя отчасти, вѣроятно, являются остатками нечленнаго склоненія прилагательныхъ.

Потеря склоненія причастій ярко отразилась въ рукописи: прѣвне ѡ҃че, крѣпнѧ кр҃ы кѣзѣмше ...7; глака просѣдшему нстѣне глака сѣвожьше нѣ 38; понесѣ (= понесѣши) 38; тѣ вѣ нстину соущи 49 об.; приклони оухо твоѣ вѣпиюще (вѣпиюю?) 117 об. и др. под.

Причастіе въ живой рѣчи, видимо, уже обратилось въ эпоху писцовъ нашей рукописи въ дѣепричастіе.

Весьма интересно частое употребленіе причастной русской формы „всемогай“: 3 об.; 4 об.; 5, 6, 15 об., 24, 48, 55 об., 84 об. (2 р.), 89 об. (2 р.) и др. Др.-ц.-сл.: всемогъи исключительно рѣдко: 15 об.

Мѣстоименіе сь встрѣчается въ удвоенной формѣ сьсь 23 (2 р.). Эта форма обычна и въ псковскихъ памятникахъ XV в. (Языкъ Пскова, стр. 192).

Изъ особенностей спряженія обращаетъ наше вниманіе форма всмѣ (вѣзбранѧмсѧ всмѣ 23 об.), одна изъ яркихъ діалектическихъ древне-псковскихъ особенностей, сближающая говоръ Пскова съ древне-новгородскимъ, но особенно въ Псковѣ употребляемая [1]). Конечно, вліяніемъ др.-ц.-слав. оригинала слѣдуетъ объяснять форму всмы 115. Формы молимо тѣ 99, молимо вѣ 96 об. въ нашей рукописи, содержащей большое количество случаевъ замѣны ъ черезъ *о* [2]), едва ли могутъ доказывать существованіе окончанія *мо* въ говорѣ писца.

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 193—195.

[2]) См. выше, стр. 11. Ср. также Языкъ Пскова, стр. 197, 149.

Одинъ разъ встрѣчаемъ неопредѣленное наклоненіе на *ть*, что, конечно, свидѣтельствуетъ о морфологической особенности говора переписчика: ѳкою мѧ҃ть чѧ҃кологкчѣ кѧ҃ко дать молю 82 об.

Новыя морфологическія образованія въ повелительномъ наклоненіи отмѣчены нѣсколько разъ: кѵзѣпнисмѣ (2 р.) 2; кѵзрадуксмѣѧ и возвеселимсѧ 100 об.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Древне-псковскія рукописи, какъ и вообще памятники древне-русскаго языка и письма, въ отношеніи южно-славянскаго вліянія слѣдуетъ дѣлить на 2 группы: 1) рукописи, содержащія такого рода элементы южно-славянскаго вліянія, которые проникли въ русскую письменность въ домонгольскій періодъ, и 2) рукописи, на которыхъ отразилось южно-славянское вліяніе XIV—XV вв. Псковскія рукописи первой группы относятся преимущественно къ XIV вѣку. Онѣ не представляютъ непосредственныхъ списковъ съ южно-славянскихъ оригиналовъ, и ихъ орѳографія, по большей части, весьма обрусѣла подъ перомъ псковскихъ переписчиковъ. Лишь въ немногихъ изъ нихъ (напр., Апостолѣ 1309—12 г.) наблюдаются нѣкоторыя черты болгарской графики, не соотвѣтствующія древне-псковскому произношенію (*лу*, *ну* вм. *лю*, *ню*, случаи мѣны *у* и *я*), но и въ такихъ рукописяхъ подобные факты не многочисленны, и общій характеръ орѳографіи этихъ памятниковъ весьма напоминаетъ общій характеръ орѳографіи другихъ русскихъ рукописей XIV в. Вторая группа рукописей преимущественно содержитъ памятники XV—XVI в. Здѣсь мы находимъ яркое южно-славянское вліяніе: особыя начертанія буквъ, нерѣдкое отсутствіе йотаціи *а* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ, болгарское *жд*, глухіе послѣ плавныхъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, сильное смѣшеніе ъ и ь и многое другое. Шестодневъ 1374 года принадлежитъ къ первой группѣ памятниковъ и къ разряду весьма обрусѣвшихъ въ отношеніи орѳографіи рукописей [1]).

Русскіе переписчики Шестоднева, руководясь своимъ произношеніемъ, измѣнили въ разсматриваемомъ памятникѣ не только характеръ изображенія звуковъ (*жд* на *ж*; *ръ*, *ль* на *ъл*, *ьл*, *ор*, *ол* и пр.), но даже иногда довольно послѣдовательно и формы (они писали, напр., почти

---

[1]) Для опредѣленія мѣста написанія южно-славянскаго оригинала нашего Шестоднева любопытны слова и выраженія сѫпиши сонъ леностьнѣи 45 об.; храбри хѣи 53, всемогай кѫе (гй), грѣховъ оулучити простѣнію 85 об.; цркѣьнаа опона 102.

постоянно *всемогли* вм. *всемогыи*). Вслѣдствіе такого отношенія переписчиковъ къ оригиналу Шестодневъ 1374 г. содержитъ весьма много данныхъ для заключенія о языкѣ псковичей того времени. Однако не всѣ особенности языка отразились на Шестодневѣ одинаково. Въ однихъ случаяхъ мы находимъ *яркіе и многочисленные* факты письма, указывающіе на опредѣленныя звуковыя особенности. Въ другихъ случаяхъ такіе факты *малочисленны и недостаточно ярки*.

Въ общемъ псковскій Шестодневъ 1374 года согласуется въ своихъ показаніяхъ съ другими псковскими памятниками XIV в., а также представляетъ нѣкоторыя новыя данныя.

Матеріалъ Шестоднева вполнѣ подтверждаетъ заключеніе о существованіи цѣлаго ряда шепелеватыхъ звуковъ въ языкѣ псковичей XIV вѣка. Въ нашемъ памятникѣ мы находимъ въ этомъ отношеніи и нѣчто особенное (въ текстѣ 2-го писца): мышѣю (вм. мышьцею), кожьтка, множьтко и пр. Шепелеватые свистящіе были, вѣроятно, мягки или полумягки (см. написаніе ѧ послѣ шипящихъ).

Писцы Шестоднева, какъ и другихъ псковскихъ рукописей, отразили, вѣроятно, *звуковыя* явленія въ мѣнѣ *е* (ѣ) и *а* (ѧ, ѫ). Противъ объясненія этой мѣны графическими причинами говоритъ: 1) оригинальный характеръ псковской мѣны, рѣзко отличающійся отъ соотвѣтствующихъ явленій южно-славянской письменности и 2) распространеніе разсматриваемаго явленія совершенно независимо отъ силы юго-славянскаго вліянія на орѳографію памятниковъ.

Графическая мѣна ъ и *о*, а также ь, *е* и ѣ въ нашемъ памятникѣ служитъ вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ совпаденія звука ъ съ звукомъ *о* и звуковъ ь, *е*, ѣ въ звукѣ *е* (конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ и ь не исчезли изъ произношенія).

Шестодневъ 1374 года представляетъ рядъ примѣровъ на сѣверно-русское сочетаніе *жг*. Показанія нашего памятника, содержащаго вообще яркую діалектологическую окраску, сходятся съ показаніями Соф. Сборника № 1262, въ которомъ псковскія особенности выступаютъ не менѣе опредѣленно. Въ виду этого мы не рѣшились бы поддерживать гипотезу о возможности заимствованія этой черты псковскими переписчиками изъ новгородскихъ памятниковъ [1]).

Изслѣдуемый памятникъ заключаетъ *весьма большое число* характерныхъ примѣровъ, доказывающихъ существованіе приведенныхъ

---

[1]) Акад. А. А. Шахматовъ, Очеркъ, стр. 327.

выше псковскихъ діалектическихъ особенностей въ XIV в. Весьма многочисленные примѣры на указанныя особенности отмѣчены и во многихъ другихъ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка [1]).

Совсѣмъ иныя показанія даетъ нашъ памятникъ въ отношеніи другихъ фонетическихъ особенностей: мы отмѣтили незначительное число примѣровъ на твердое *р* и аканье; мы вовсе не видѣли фактовъ, которые бы указывали на мѣну *у* и *в* и замѣну *ѳ* черезъ *х* въ говорѣ писцовъ нашей рукописи. И въ этомъ отношеніи мы находимъ соотвѣтствіе нашего памятника съ другими псковскими памятниками XIV вѣка. Псковскіе памятники этого столѣтія имѣютъ лишь нѣкоторое количество случаевъ замѣны *в* черезъ *у*, но обратной замѣны *у* черезъ *в* и сочетаній *ув*, *уво* не содержатъ. Случаи, отражающіе аканье, въ нихъ малочисленны. Въ нихъ почти нѣтъ надежныхъ случаевъ, указывающихъ на отвердѣніе *р*, нѣтъ случаевъ замѣны *ѳ* черезъ *х* [2]). Въ памятникахъ XV вѣка всѣ эти особенности отразились въ очень многихъ характерныхъ написаніяхъ [3]). (Написанія ро, роу, ры вм. ре, рю, ри и пр. указываютъ на звуковую черту).

Въ виду того, что Шестодневъ 1374 г. отражаетъ ярко діалектическія черты, приведенные факты подтверждаютъ догадку о развитіи нѣкоторыхъ діалектическихъ псковскихъ особенностей лишь въ XIV в. и о широкомъ распространеніи ихъ лишь къ XV вѣку [4]). Такъ какъ эти черты сближаютъ псковскій говоръ съ бѣлорусскими, то особенно вѣроятной представляется гипотеза о вліяніи языка бѣлоруссовъ на языкъ псковскій и о колонизаціи бѣлоруссовъ въ область древняго Пскова [5]).

Такъ какъ рукописи вообще содержатъ весьма смѣшанный матеріалъ (старыя орѳографическія черты оригиналовъ и внесенныя писцами новыя діалектологическія особенности), такъ какъ разные писцы далеко не одинаково измѣняли оригиналъ въ угоду своему произношенію, то весьма трудно опредѣлить, по даннымъ памятниковъ, является ли данный говоръ смѣшаннымъ или соотвѣтствующія графическія явленія произошли отъ другихъ причинъ. Мы все же должны указать, что въ Шестодневѣ 1374 года почти исключительно въ текстѣ вто-

---

[1]) Проф. А. И. Соболевскій, Очерки, стр. 144 слл. Языкъ Пскова, стр. 199.
[2]) Языкъ Пскова, стр. 200—201.
[3]) Ib.
[4]) Языкъ Пскова, глава III, стр. 201.
[5]) Ib., стр. 205.

рого писца находимъ примѣры на отвердѣвшее *р* и у него же только указанія на особые случаи шепелявости (мыщею, множьтво и под.). Въ другихъ псковскихъ памятникахъ мы отмѣчали: „хахиловича“ при „фефилатова“, „створитя“ (Сб. Син. Библ. № 68/270) при обычномъ „створити“, форму „есмо“ при „есме“ и пр. под. [1]). Во всякомъ случаѣ самая комбинація діалектическихъ особенностей псковскихъ говоровъ XIV—XV в. наводитъ на мысль о смѣшанномъ характерѣ этихъ говоровъ.

Нѣкоторые современные намъ говоры, раздающіеся въ предѣлахъ древне-псковской территоріи, во многомъ подтверждаютъ діалектологическія показанія древне-псковскихъ памятниковъ XIV—XVI вв. Еще Даль отмѣтилъ бѣлорусскія черты въ Псковской губерніи. О Псковской и Тверской губ. онъ пишетъ: „тамъ попадаются передѣлки на польскій и бѣлорусскій лады“ (Словарь, I, стр. V). Акад. А. И. Соболевскій дастъ аналогичную характеристику псковскихъ говоровъ: „Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Псковской губ., соединяющихъ въ себѣ черты акающихъ и окающихъ великорусскихъ говоровъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія“ [2]). Нѣкоторые говоры Псковской губерніи, а также Гдовскаго у. Петроградской губ. представляютъ, какъ мы видѣли, многія особенности, вполнѣ соотвѣтствующія тѣмъ, которыя мы предполагаемъ на основаніи памятниковъ въ древне-псковскомъ языкѣ. Говоры эти ярко смѣшанные. Въ нихъ мы отмѣчали отчетливое произношеніе *о*, *ё* изъ *е*, аканье, шепелявость, цоканье; мѣстами твердое *р*, мѣну *у* и *в*, замѣну *ф* черезъ *х*, формы: „такей“, „сядэй“, „я пои́ле“, „баринъ ушле“ и пр. (см. выше, стр. 34—38).

Однако современные говоры замѣтно отличаются отъ древне-псковскихъ. Особенно сильныя измѣненія произошли подъ вліяніемъ другихъ сосѣднихъ великорусскихъ говоровъ, а также подъ вліяніемъ обще-русскаго языка (языка образованнаго русскаго общества). Древне-псковскія черты въ этихъ говорахъ встрѣчаются спорадически въ смѣшеніи съ разнообразными особенностями, которыя появились благодаря указаннымъ вліяніямъ.

---

[1]) Языкъ Пскова, стр. 201—202.

[2]) Толковый словарь, I, стр. V.

[3]) Опытъ русской діалектологіи, стр. 29.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы текста Шестоднева 1374 г. [1]).

Тебе ради кѡ҆ѡ҆ц҃ь пр҃рк҃ъ дх҃дъ· пр҃но· ѡ҆ тебе проѣзгласи· величиѥ ти съкорѣшю. предъста ц҃рце ѡ҆дес҃ную тебе. тебе ко мр҃ѣ ходатаицю живоу показа кезъ ѡ҆ча и с тебе бъчѧѣчити сѧ изъколи б҃х· да свои паки сѫкинеть образъ истѧѣкшии страстьми. и заблоуѫшиѥ вълокъ цр҃кве своѥ ѡ҆вцѣ ѡ҆врѣтъ на раиу въспри имъ и къ ѡ҆ц҃ю принесѣ· и къ своемоу хо тению и съ нб҃ными съвъкупить сила ми. и сѣть в҃цею мира х҃ъ наѣлан велию мр҃ть ·: Радуисѧ дш҃ьбнаѧ ц҃ръкы в҃ы. дв҃о ѡ҆брадованаѧ. радуисѧ агньца. благословенаѧ иже иѥмъже пронде сѫдѣтель всѣхъ. радуисѧ земное поспло и нб҃на и въсего. ююже познана въ҃ сила с҃тъ и тр҃ца. како та възвеличимъ м҃ти безъневѣстнаѧ. како же възхвалимъ та яко б҃ъ м҃ти ѥлманоуилу. его же х҃ѣ робими зрѣти не могуть· тъ҃ же неи здреченьно въ чрѣвѣ своемь понесѣ. того моли пр҃ѣча сѣти съ дш҃амъ нашѥ҃ ·:· (л. 7 об.—8).

Тъ҃ създа мѧ г҃и. и положи на мнѣ роукоу твою заповѣда и р҃е. въземе лю паки поити ми. наставн мѧ на пракъни путь твои. и ѡ҆дажь ми всѧ прегрѣшениѥ. и достоина мѧ створи ц҃рт҃вию своемоу (14).

Въ чермьнемь мори. вракоиѣскоу сѣнъмь невѣстъ. ѡ҆бразъ дрѣвле написасѧ тъгда моисн раздѣлите ль водѣ. ждѣ же габриль служитель

[1]) Здѣсь мы публикуемъ наши выборки наиболѣе характерныхъ въ отношеніи языка и орѳографіи частей текста изслѣдуемаго памятника.

чюдеси. тъгда по глубинѣ шьство
вавъ немокрьно изл҃ь. нынѣ же х҃а
роди бесемѣни дв҃ая. море по при
шьствии изл҃вѣ превъ҃ непроходно
непорочная же по рж҃твѣ ѥлмануи
левѣ. превы҃ неистлѣньна съ҃и и пре
же съ҃и. ꙗвлии сѧ ꙗко чл҃къ помилу (sic) на҃ ·:· (14 об.).

Бц҃ю мр҃ию. вси въ пѣниꙗхъ досто
ино прославимъ. ѥꙗ бо ради вси
изъ҃истлѣниꙗ избъ҃хомъ г҃и сла҃ то҃ ·:· (20 об.).

Что не крѣгостѣ камени краѥоуголна
го. ѡ безаконьнии июдѣи. сьсь ѥсть
ѥго же положи б҃ъ къ сиѡнѣ. иже ѿ ка
мени источивъ҃и къ пустъ҃ни воду
и намъ истачаꙗ изъ ребръ бесм҃ртиѥ.
сьсь ѥсть камень иже ѿ горъ҃ дв҃чкъ҃ꙗ
оутьржесѧ бес хотьниѥ мужьска.
сн҃ъ чл҃вць грѧдъ҃и на облацѣхъ
нб҃нъ҃хъ. къ ветхому дн҃ьми (28).

Оуже не възбранѧѥми ѥсмѣ. дрѣ
ва животьнаго. оупованиѥ иму
ще кр҃тъ твои г҃и слава тобѣ ·:—

На кр҃тѣ пригвоздисѧ лоза исти
ньнаꙗ. ѡбуимъше ꙗзъ҃ци ра
и съ разбоиникомь. си слава
цр҃вьнаꙗ се ба҃тьство цр҃твиѥ.
пострадавъ҃и на҃ ради г҃и сл҃а тоб ·:—

Дрѣво животноѥ кр҃тъ твои ꙗви
сѧ г҃и. смр҃ть бо ѥго ради оупра ||
знисѧ. и вьсь миръ тѣмь просвѣти
сѧ всемогаи г҃и слава тобѣ ·:—(23 об.—24).

Смр҃ть твоꙗ г҃и. бесм҃ртию бы҃ хо
дотаи. аще бо въ гробѣ не бъ҃ тъ҃
полежалъ. не бъ҃ раи ѿвьржълъ сѧ
пакъ҃. тѣм же преставльнъ҃ꙗ
ѿ насъ покои ꙗ г҃и ·:—(32).

Вл҃чце вл҃чце вл҃чце. ѥгда постави
ть мѧ нага. сн҃ъ твои судити ми
тъгда же ми помози. и ѿ огнѧ҃ и
зьаки. бл҃твьною мѧ ризою покрьи
твоꙗ мл҃ть чт҃аꙗ посли. ѡ м҃ти дв҃це
пр҃таꙗ гж҃е рабъ-і своꙗ. оущедри по
милуи ꙗко ѥдина пр҃чтаꙗ ·: —(33).

Ицѣли мѧ г҃и и целею. сн҃ мѧ и сп҃су сѧ.
всегда бо покаꙗти сѧ ѻбещаю сѧ
и на горшеꙗ съкращаю сꙗ. тем же
молю тѧ рожьшаго сѧ ѿ дв҃ъ-і. испра
ви мѧ г҃и. и помилуи мѧ ·: —(34 об.—35).

Сп҃си г҃и люди своꙗ. и бл҃гви достоꙗ
ниꙗ своꙗ. победу кнѧзю нашему.
на супостатъ-і даꙗ. и своꙗ съхра
нѧꙗ кр҃томь люди ·: —(35 об.)

Кр҃та твоѥго древу поклонимъ сѧ.
чл҃вколюбце ꙗко на томь пригво
здисѧ. животъ всѣхъ. раи ѿвѣрзъ
лъ ѥси сп҃се. вѣрою пришедъшю к то
бе разбоиннику. и пищи сподобисѧ
исповѣдаꙗ тѧ. помѧни мѧ г҃и. и при
ими мѧ ꙗко и оного въпиюща. съ
грѣсихомъ вси. мр҃дмь своимъ не пр
ѣзри насъ ·: —(36).

Помилуи мѧ ре҃ дв҃дъ азъ же ти въ
пию. съгрѣсихъ г҃и. грѣхъ-і моꙗ по
каꙗниѥмь ѿмъ-івъ и помилуи мѧ ·: —

омилуи (sic) [1]) мѧ в҃е. помилу҃ мѧ дв҃дъ въ
пиꙗше. ѻ двою грѣху ѻ тмахъ азъ прегре
шении припадаю ти. онъ постелю
слезами мъꙗше. азъ каплѧ ни ѥ
ноꙗ (sic) не поущаю и ѿричаю сѧ и молю
сѧ помилуи мѧ в҃е. по вѣличии мл҃ти твоѥи ·: —

---

[1]) Писецъ здѣсь забылъ поставить начальную киноварную букву.

Житьѥ своѥ въ безаконии жихъ. доу
шю и тело помъ-ıслении ми осквѣ
рнихъ. г҃и но прошю молѧи ıако же в
лоудньı-и вънию съгрѣсихъ предъ
тобою бл҃дко. ıако ч҃лвколюбечь оу
щедри и сп҃си мѧ ·:—(41).

Просвѣщь земнъ-ıа кр҃томь. и при
звавъ грѣшнъ-ıа на покаıаниѥ.
не ѿлучи мене стада твоѥго пастъ-ı
роу добръ-ıи. но възъ-щи мене бл҃дк
о блоудѧщаго и ст҃ѣмь стадѣ тво
ѥмь причти. ıако ѥдинъ благъ
ч҃лвколюбечь ·:—(41 об.).

Скоро кари дажь.
не поработимъсѧ крази бо хулѧ
ть и претѧть намъ х҃е бе нашь.
погоуби кр҃томь своимь бороущихъ
сѧ с нами. да навъ-ıкноуть како
можеть правовѣрнъхъ (sic) вѣра. мл҃тв
ми бц҃е ѥдине ч҃лвколюбечь ·:—(51 об.—52).

Оудиви сѧ осифъ. паче ѥствьнаго (sic)
зрѧ. и внимаше въ оумъ роуновъ
на дожгѧ. въ бесеменьноѥ зача
тьѥ твоѧ бц҃е. купину ѻгнѣмь
неополевьшю. жезлъ аронь про
чветъшии и послу҃шьствуѧ. ıако о
бручникъ. и хранитель сщ҃ихъ.
въпиıаше дв҃аıа ражаѥть и по ро
ж҃тве пакъ-ı дв҃ою пребоудеть ·:—(54—54 об.).

Помъ-ıслѧю дн҃ь страшнъ-ıи. и пла
чю сѧ дѣıаньѥ лоукавъ-ıхъ ка
ко ѿвѣщаю бесм҃ртьномоу цр҃оу.
къ-ıимъ ли дрьрьзновениѥмь въ
зрю на соудью блоудньı-и азъ но
мл҃твъ-ıи оч҃е сн҃е. ѥдиночадъ-ıи
и дш҃е ст҃ъ-ıи помилуи насъ ·:—(62).

Пр҃таꙗ бц҃е въ вѣкъ-і зижни моюꙗ.
не остави мене. въ чл҃вчоу помо
щь не предажь мене. но сама помо
жи ми и сп҃мѧ ·:—(65).

Тр҃це ѥдино бж҃тво. неразмесьномь
съвъкоуплениѥмь. праславимъ.
анг҃лкоую пѣ҃ възопиѥмъ ти.
ст҃ъ. ст҃ъ. ст҃ъ ѥс ·:—(65 об.).

Разроуши кр҃тмь своимь см҃рть.
ѿвѣрже разбоиникоу раи. му
роносицамъ плачь преложи.
и апл҃мъ проповедати велѧаше.
ꙗко въскр҃се х҃ъ б҃ъ. даꙗ. всемоу ми
роу велию мл҃ть ·:—(65 об.—66).

Пламень огньнъ-іи. анг҃лъ-і твоꙗ г҃и.
сътвори. И тъ-і намъ теплъ-іꙗ засту
пникъ-і. и дх҃ъ-і пакъ-і скоропишь
ца показа. всемогаи. г҃и слава тобе ·:—

Спси нъ-і бл҃ко млт҃вами ст҃ми анг҃лъ тво
ихъ. и омъ-іи на҃ соблазньнъ-іꙗ сквь
рнъ-і. и грѣхъ-і всѧ очисти. всемо
гаи г҃и слава тобе ·:—(89 об.).

Плотьскъ-іи анг҃лъ пр҃тча гн҃ь. избави
млт҃вами си ·:· Ст҃ии мч҃нци х҃ги.
просите очищениѥ. вс҃е намъ ѿ грѣ҃.
наши҃ молимо въ-і ·:— Вси молимъ.
тѧ бц҃е вѣрнии. избавлениѥ проша҃.
ѿ грѣ҃. цр҃твиꙗ нб҃наго ·:· (98).

Ꙗко луца таинъ-іꙗ. притекоша въ
бѣшь миръ. бж҃твьнаго разума.
просвѣщени гн҃и апл҃и ·:—

Мн҃ци. огньви приближѧющесѧ. б
ж҃твьноую росу. васъ прохлажаю
щю. ѿ б҃а въсприꙗсте мч҃нци ·:· (106 об.).

Єпрестолна сн҃а и слова. ѿ чт҃ъ-ꙗ крови
твоюꙗ. чт҃аꙗ. приꙗла ѥси плоть м҃р
твьноу. ꙗко да бесм҃ртно. створить.
существо. чл҃вчьскоѥ. тьм тѧ долъ
жно вси оублажаѥмъ ·: в пѧ҃ ·: гл҃а .з҃.
Исцѣлѧꙗ адамовоу болезнь. ѥже по
дъ вражьимь свѣтомь. възнешесѧ.
на дрѣвѣ всеⷯ цр҃ю. и колезнь претѣ
рпьлъ ѥси. рукама и ногама. при
гвожгенъ. тьмь твои ѥсм(ъ). и мно
гоѥ долготерпениѥ твоѥ ·:—(109).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе 3

Очеркъ палеографическихъ особенностей памятника. (Писцы рукописи. Орнаментъ. Записи и приписки. Описки. Нотные знаки. Орѳографическія особенности) . . . . . 3—12

Фонетика . . . . . 12—48

Мѣна буквъ *е* (ѣ, ь) и *а* (ѧ, ѫ), какъ отраженіе звуковыхъ особенностей древне-псковскаго говора . . . . 12—26

Отраженіе южно-славянскаго вліянія на Шестодневъ 1374 г. и другихъ псковскихъ памятникахъ (экскурсъ въ область древне-псковской орѳографіи) . . . . . 15—22

Вопросъ объ отвердѣніи *р* въ связи съ данными діалектологіи 26—41

Описаніе говора Мды (діалектологическій экскурсъ) . . 34—39

О произношеніи свистящихъ и шипящихъ . . . . . 41—45

Совпаденіе *ѣ* и *е* въ одномъ звукѣ *е* 45

Аканье . . . . . 46—47

Рефлексы древнихъ *ъ* и *ь* 46

Мелкія явленія въ области гласныхъ 47

Сѣверное *жі* 48

Мелкія явленія въ области согласныхъ 48

Морфологія . . . . . 48—52

Заключеніе. . . . . . 52—55

Приложеніе Образцы текста Шестоднева 1371 г. . . . . . 56—61